Ardabayev Saken

Деменция

Ardabayev Saken

Деменция

«Автор»
2026

Saken A.

Деменция / A. Saken — «Автор», 2026

Обычный советский парень неожиданно оказывается в центре большой исторической игры. В его сознании живёт человек из будущего, обладающий знаниями о грядущих событиях, технологиях и экономике. Эти знания становятся одновременно его главным оружием и смертельно опасной тайной.

© Saken A., 2026
© Автор, 2026

Ardabayev Saken
Деменция

Глава 1

Мне было семьдесят восемь лет, когда я умер. Не скажу, что жизнь прошла зря. Почти шестьдесят лет я посвятил энергетике. Начинал простым электромонтёром, потом стал инженером, главным энергетиком, руководил крупными объектами. Видел, как строились электростанции, прокладывались линии электропередачи, модернизировались подстанции. Я знал электричество не по учебникам. Я знал его запах, звук работающего трансформатора и даже особенный гул высоковольтных линий в морозную погоду. За свою жизнь я многое повидал. Пережил Советский Союз, перестройку, девяностые, приватизацию, появление новых технологий. Видел, как старые предприятия закрывались, как рушились целые отрасли, как вчерашние инженеры становились торговцами на рынках. Мне было что вспомнить. Но в последние годы я жил один. Жена умерла несколько лет назад, дети давно обзавелись собственными семьями. Иногда звонили внуки, поздравляли с праздниками. В тот вечер я сидел на кухне, пил чай и смотрел старую фотографию. На ней мне было восемнадцать. Молодой, худой парень с густыми волосами и совершенно беззаботным взглядом. Эх, молодость… пробормотал я. В груди неожиданно кольнуло. Я попытался подняться, но ноги перестали слушаться. Чашка упала на пол, разбившись на несколько крупных осколков. Последнее, что я почувствовал, холодный пол под щекой. А потом наступила темнота. Эй, парень! Ты чего разлёгся? Голос был грубый, мужской. Я открыл глаза. Надо мной склонился незнакомый мужчина в рабочей куртке. Поднимайся! Скоро на завтрак опоздаешь! Я несколько секунд смотрел на него, ничего не понимая. Потом резко сел. Голова закружилась. Вокруг стояли железные кровати. На одной висела телогрейка, на другой лежали книги. У окна находился небольшой стол, а возле стены стоял старый чемодан. Общежитие? Я посмотрел на свои руки. Молодые. Худые. Без возрастных пятен, без морщин. Я поднёс ладони к лицу. Что за… Ты чего сегодня такой странный? мужчина усмехнулся. Вчера перебрал, что ли? Я вскочил и бросился к зеркалу. Из отражения на меня смотрел восемнадцатилетний парень. Густые тёмные волосы, чистое лицо, прямой нос, молодые глаза. Я потрогал щёки. Господи… Ты заболел? Какой сегодня год? спросил я. Мужчина посмотрел на меня с подозрением. Ты совсем с ума сошёл? 1981-й. Двадцать первое октября. Давай одевайся, философ. У меня подкосились ноги. 1981 год. Советский Союз. Я снова посмотрел в зеркало. Мне было восемнадцать. Я прожил семьдесят восемь лет, умер и каким-то непостижимым образом вернулся в собственную молодость. За окном шумела улица. Где-то проехал грузовик, послышались голоса прохожих. На стене висел календарь с портретом Брежнева. Я медленно сел на кровать. В голове крутилась только одна мысль. Я знаю, что произойдёт дальше. Я знаю о перестройке, распаде страны, экономическом кризисе, приватизации. Знаю, какие технологии появятся через десять, двадцать и сорок лет. А главное я знаю энергетику. Знаю, как проектировать электроснабжение, строить подстанции, организовывать производство, модернизировать электростанции. Знаю, какие решения окажутся перспективными, а какие приведут к огромным потерям. Но сейчас я всего лишь восемнадцатилетний парень в Советском Союзе. Никаких денег. Никаких связей. Никакого положения. Зато у меня есть то, чего нет ни у одного человека вокруг. Память о будущем. Я подошёл к окну и посмотрел на октябрьскую улицу 1981 года. Ну что ж, Союз… тихо произнёс я. Кажется, у нас с тобой появился второй шанс. И впервые за долгие годы я улыбнулся. На этот раз я не собирался просто наблюдать за историей. Ты долго ещё перед зеркалом стоять будешь? раздался голос соседа по комнате. Я повернулся. Мужчина лет двадцати пяти уже натягивал рабочие брюки. На вид обычный советский парень, короткая стрижка, широкие плечи. Как тебя зовут? спросил я. Он замер. Ты издеваешься? Димка, ты что, память потерял? Димка? Значит, меня зовут Дмитрий.

Да нет, голова немного болит. Ну, понятно. Вчера с Серёгой опять гуляли. Ладно, одевайся. В столовую пойдём. Я быстро оделся. На стуле лежали простые брюки, рубашка и свитер. Всё выглядело совершенно обычно для начала восьмидесятых. В кармане обнаружились паспорт и несколько рублей. Я достал паспорт. Дмитрий Александрович Соколов. Дата рождения: 1963 год. Место рождения: город Куйбышев. Я долго смотрел на фотографию. Получается, мне действительно восемнадцать лет. Дим, ты идёшь? крикнул сосед. Иду. Мы вышли из общежития. На улице стоял прохладный октябрь. Люди спешили по своим делам, возле остановки толпились пассажиры. По дороге ехали «Жигули», «Москвичи» и грузовые ГАЗоны. Я невольно улыбнулся. Вот он, Советский Союз. Не картинка из фильма, а настоящая жизнь. Мы пришли в столовую. Взяли кашу, хлеб и чай. Слушай, а где я работаю? осторожно спросил я. Сосед чуть не подавился. Дим, ты вчера что, действительно головой ударился? Возможно. На заводе работаешь. На приборостроительном. Вчера начальник смены уже спрашивал, куда ты пропал. Я напрягся. Завод. Значит, у меня уже есть рабочее место. А учиться я где-нибудь собирался? Ты же сам говорил, что хочешь в энергетический техникум поступать. Только всё откладываешь. Я медленно положил ложку. Энергетический техникум! Неужели судьба сама подталкивает меня к прежней профессии? Ведь я всю жизнь занимался энергетикой. Теперь у меня есть возможность начать сначала, но уже с опытом человека, который знает, как будет развиваться отрасль. Слушай, сказал я соседу, а как тебя зовут? Он посмотрел на меня долгим взглядом. Сергей. Серёга Кузнецов. Всё, Дим, теперь точно вызываю врача. Я рассмеялся. Впервые за семьдесят восемь лет у меня впереди была целая жизнь. И я собирался прожить её совершенно иначе. После завтрака мы направились на завод. Я внимательно смотрел по сторонам. В голове уже складывался план. Первое получить образование. Второе устроиться на работу, связанную с энергетикой. Третье начать откладывать деньги. И самое главное не допустить ошибок, которые я видел в своей прошлой жизни. В 1981 году ещё можно было многое изменить. Я знал, что впереди страну ждут непростые годы. Но пока существовали предприятия, специалисты, научные институты, заводы и мощная промышленная база. Я не собирался становиться политиком. Я хотел создать собственное дело в энергетике. И начать следовало с малого. С обычного рабочего места. Но у меня была одна проблема: как объяснить окружающим, почему восемнадцатилетний парень вдруг начал рассуждать как опытный главный энергетик? На завод мы пришли около восьми утра. Куйбышевский завод жил своей привычной жизнью. У проходной толпились рабочие, кто-то курил, кто-то допивал чай из гранёного стакана. Над проходной висела красная надпись с призывом выполнить пятилетний план досрочно. Я остановился и посмотрел на здание. Сколько же времени прошло с тех пор, когда я последний раз видел подобные заводы в их настоящем виде? Дим, ты чего встал? окликнул Сергей. Да так, любуюсь. Заводом? Ты точно заболел. Мы прошли через проходную. Я показал пропуск, и охранник, пожилой мужчина с усами, кивнул мне. Здорово, Соколов. Опять опаздываешь? Больше не буду, ответил я. Слышали мы это уже. В цеху стоял привычный производственный шум. Работали станки, гудели электродвигатели, мастера переговаривались между собой. Я сразу обратил внимание на распределительный щит. Старая конструкция, местами уже требующая ремонта. Кабели проложены не самым удачным образом. На одном из двигателей слышался подозрительный гул. Я невольно остановился. Что смотришь? спросил Сергей. Двигатель. И что с ним? Подшипник скоро загудит сильнее. Надо проверить. Сергей рассмеялся. Ты теперь ещё и электриком стал? Просто слух хороший. В этот момент к нам подошёл мастер. Соколов! Явился наконец. Где тебя вчера носило? Были личные обстоятельства, товарищ мастер. Ладно. Переодевайся и приступай к работе. И без фокусов. Я надел рабочую одежду и приступил к своим обязанностям. Первые два часа прошли спокойно. Я выполнял обычную работу, но постоянно замечал недостатки оборудования. Около одиннадцати услышал резкий металлический звук. Я обернулся. Электродвигатель на соседнем участке начал заметно вибрировать. Остановите станок! крикнул я. Рабочий удивлённо посмотрел на меня. Чего? Остановите,

говорю! Подшипник разрушится! Ты откуда знаешь? Просто останови! Рабочий нажал кнопку остановки. Через несколько минут подошёл мастер.

Глава 2

Что случилось? Я объяснил свои подозрения. Мастер сначала недоверчиво посмотрел на меня, но всё-таки вызвал электромеханика. Когда разобрали узел, обнаружили повреждение подшипника. Надо же, пробормотал механик. Ещё немного, и заклинило бы. Мастер повернулся ко мне. Соколов, а ты откуда это определил? Я пожал плечами. По вибрации и звуку. Он внимательно посмотрел на меня. Ты ведь вроде в техникум собирался? Собираюсь. Тогда не тяни. Такие головы на заводе нужны. Я впервые за день почувствовал, что всё складывается правильно. После смены я отправился в общежитие. Сергей уже сидел на кровати и читал газету. Дим, тут письмо тебе пришло. Он протянул мне конверт. На нём аккуратным почерком было написано: «Дмитрию Соколову. Лично в руки». Я вскрыл конверт. Внутри лежало письмо от матери. «Дорогой Дима! Как ты там? Давно не приезжал. Отец спрашивает, когда собираешься домой. Надеемся, что у тебя всё хорошо. Не забывай, что дома тебя всегда ждут». Я перечитал письмо дважды. Мать. Отец. Значит, у меня есть семья. Люди, которые считают меня своим сыном. Их я не собирался терять. Серёга, скажи, а где мои родители живут? В Куйбышеве, конечно. Ты чего? А давно я от них уехал? Да вроде недавно. Ты после школы на завод устроился, в общежитии поселился. Я кивнул. Нужно было обязательно навестить родителей. Но сначала следовало разобраться с собственной жизнью. Вечером я достал из тумбочки тетрадь и карандаш. Я задумался. В моей прошлой жизни я знал, что через несколько лет начнётся перестройка, а в 1991 году Советский Союз прекратит существование. Но теперь у меня был шанс подготовиться. Я знал, какие товары станут дефицитными, какие технологии будут востребованы, как изменится рынок. Однако главное богатство не деньги. Главное богатство знания. Я закрыл тетрадь и посмотрел на календарь. Октябрь 1981 года. Мне восемнадцать. Впереди целая жизнь. И я собирался использовать каждый день. Утром следующего дня я решил зайти в отдел кадров и узнать, как поступить в энергетический техникум. Но разговор с начальником отдела кадров неожиданно изменил мои планы. Соколов, а вы знаете, что у нас скоро будет комиссия из областного управления энергетики? спросил он. Нет, не знаю. Ищут молодых рабочих, которых можно направить на дальнейшее обучение. Может быть, тебя заинтересует такая возможность? Я медленно поднял голову. Вот это уже было интересно. Возможно, судьба сама открывала передо мной первую дверь. А я даже не подозревал, что через несколько месяцев мои знания привлекут внимание человека, который сыграет огромную роль в моей новой жизни. А что за обучение? спросил я, стараясь не показывать заинтересованности. Начальник отдела кадров, мужчина лет пятидесяти с аккуратно зачёсанными назад волосами, поправил очки. Есть возможность направить молодых рабочих в техникум. Предприятие оплачивает обучение, а после окончания ты возвращаешься к нам уже специалистом. Разумеется, при хорошей успеваемости. А можно учиться заочно? Можно. Но тебе всего восемнадцать. Я бы советовал учиться очно. Голова молодая, время есть. Я едва удержался от улыбки. *Если бы вы знали, сколько у меня времени за плечами, товарищ начальник.* Я согласен. Какие документы нужны? Аттестат, характеристика с места работы, заявление. И поговори с мастером, пусть напишет характеристику. Хорошо. И ещё, Соколов. Ты вчера двигатель обнаружил неисправный? Да. Мастер рассказал. Говорит, ты определил поломку раньше механика. Просто повезло. Начальник кадров усмехнулся. Везение хорошая вещь. Но на заводе оно редко заменяет знания. Я вышел из кабинета в хорошем настроении. Первый шаг сделан. В обед я решил зайти в заводскую библиотеку. Это было небольшое помещение с книжными шкафами, столами и запахом старой бумаги. За столом сидела библиотекарь женщина лет шестидесяти. Молодой человек, вам что-нибудь подсказать? Мне нужна литература по электротехнике, энергетике и автоматизации производства. Какой уровень? Желательно инженерный. Она удивлённо посмотрела на меня. Вы студент? Пока нет. Но собираюсь поступать. Через несколько

минут передо мной лежали книги. Я просмотрел несколько страниц и почувствовал настоящее удовольствие. Старые советские учебники. Формулы, схемы, расчёты. Многие вещи я знал наизусть. Но кое-что требовало внимательного изучения. Особенно меня интересовали микропроцессорная техника, силовая электроника, автоматизированные системы управления и современные методы энергосбережения. В 1981 году эти направления ещё не получили того распространения, которое будет в будущем. А ведь именно здесь скрывались огромные возможности. Я взял несколько книг домой. Вечером в общежитии Сергей обнаружил меня за чтением. Дим, ты чего? Читаю. Это я вижу. Ты раньше книжки только в руки брал, когда экзамены сдавать надо было. Решил измениться. Сергей сел напротив. Слушай, а ты серьёзно хочешь в техникум? Серьёзно. А я вот думаю, может, тоже куда-нибудь поступить. Только не знаю куда. А тебе что интересно? Машины. Особенно двигатели. Я посмотрел на него. Тогда иди в автомобильный техникум. Или на механический факультет. Думаешь, получится? Если будешь заниматься, обязательно. Сергей задумался. Слушай, Дим, ты какой-то другой стал. Я поднял глаза от книги. В каком смысле? Раньше всё время куда-то спешил, деньги тратил, гулял. А теперь будто тебе сорок лет. Я чуть не рассмеялся. *Сорок? Сергей, если бы ты знал.* Просто понял, что жизнь быстро проходит. Ну, философ ты у меня. Через три дня меня вызвали к начальнику цеха. В кабинете находились трое мужчин. Один из них был незнакомым в строгом костюме, с портфелем и удостоверением областного управления энергетики. Соколов, садитесь, сказал начальник цеха. Я сел. Нам рассказали о случае с электродвигателем. Кроме того, ваш мастер положительно отзывается о вашей работе. Хотим задать вам несколько вопросов. Незнакомец открыл блокнот. Вы разбираетесь в электрических машинах? На практическом уровне. А в системах электроснабжения? В общих принципах. Допустим, на предприятии возникают регулярные перегрузки трансформатора. Ваши действия? Я спокойно ответил: Сначала изучить график нагрузки, определить пиковые значения, проверить распределение потребителей по фазам. Затем проверить коэффициент мощности, состояние оборудования и фактическую загрузку трансформатора. Возможно, проблема не в недостаточной мощности, а в неправильном распределении нагрузки. Мужчина перестал писать. Интересно. А если коэффициент мощности низкий? Рассмотреть компенсацию реактивной мощности, но сначала провести расчёты. Нельзя просто установить конденсаторную батарею и надеяться, что всё заработает правильно. Незнакомец переглянулся с начальником цеха. Сколько вам лет? Восемнадцать. И где вы этому научились? Самостоятельно изучаю специальную литературу. Интересуюсь энергетикой. Он закрыл блокнот. Молодой человек, у вас есть желание продолжить образование? Есть. Хочу стать инженером-энергетиком. Мужчина впервые улыбнулся. Тогда, возможно, мы сможем вам помочь. Через неделю мне сообщили, что документы на обучение приняты. Но произошло ещё кое-что. Тот самый представитель областного управления попросил меня прийти к нему на отдельную беседу. Его звали Виктор Павлович Крылов. Он оказался главным инженером одного из энергетических объединений области. Дмитрий Александрович, начал он, скажите честно, вы когда-нибудь занимались проектированием? Нет. А хотели бы попробовать? Конечно. Он достал из портфеля несколько чертежей. У нас есть проблема с электроснабжением одного промышленного объекта. Ничего критического, но проектировщики предлагают довольно дорогое решение. Хотелось бы услышать ещё одно мнение. Я внимательно посмотрел на бумаги. И уже через несколько минут понял, что задача намного интереснее, чем казалась на первый взгляд. В голове начали складываться варианты. Можно было изменить схему распределения нагрузки, пересмотреть режим работы отдельных потребителей и снизить потери без строительства новой подстанции. Я взял карандаш. Виктор Павлович, можно я кое-что нарисую? Давайте. Я начал чертить. Через двадцать минут в кабинете стояла тишина. Крылов внимательно изучал мой набросок. Откуда вы знаете такие решения? Я отложил карандаш. Читал. Он посмотрел на меня поверх очков. Дмитрий Александрович, я не знаю, кем вы станете через десять лет.

Глава 3

Но советую вам серьёзно относиться к своему таланту. Я пожал руку Виктору Павловичу. А про себя подумал: *Через десять лет, товарищ Крылов, страна будет совсем другой. И я собираюсь сделать так, чтобы у меня к тому времени уже было собственное предприятие.* Вечером я вернулся в общежитие и достал тетрадь. На новой странице написал: Первый контакт с областной энергетикой. Виктор Павлович Крылов. Возможность дальнейшего обучения и участия в проектировании. Ниже добавил: Начать изучение полупроводников, микропроцессоров и промышленной автоматизации. Затем посмотрел на календарь. Ноябрь 1981 года. До конца года оставалось совсем немного. Я понимал, что одного знания будущего недостаточно. Нужно получить образование, заработать первые деньги, обзавестись связями и научиться действовать в условиях советской экономики. А ещё я собирался съездить к родителям. Ведь в этой жизни у меня появилась возможность не только изменить историю страны. Я мог подарить своей новой семье совершенно другое будущее. В пятницу после окончания смены я получил вызов в отдел кадров. Там меня уже ждал Виктор Павлович Крылов. Соколов, присаживайтесь. Есть новости по вашему вопросу. Я сел напротив него. Помните, мы говорили об образовании? Конечно. Я связался с руководством областного управления и получил предварительное согласование. Предприятие готово направить вас в Москву на подготовительные курсы при энергетическом институте. После их окончания сможете поступать на первый курс. Я постарался сохранить спокойствие, хотя внутри всё буквально перевернулось. Москва! Именно там находились ведущие технические вузы страны. А как будет организовано финансирование? спросил я. Предприятие выделяет вам стипендию. Кроме того, оформим направление, оплатим дорогу и поможем с размещением в общежитии на период подготовительных курсов. Если поступите, вопрос с дальнейшей поддержкой тоже будем решать. А сколько будет стипендия? Крылов назвал сумму. Я прикинул расходы. Для Москвы это были вполне приличные деньги, особенно если не тратить их на развлечения. Когда отправление? Через две недели. Но предупреждаю: в Москве никто за руку водить не будет. Придётся заниматься самостоятельно. Я понимаю. Виктор Павлович достал папку. Вот направление. Здесь указано, что вы направляетесь от нашего предприятия для прохождения подготовительных курсов с последующим поступлением на инженерно-энергетическую специальность. Я внимательно прочитал документ. Спасибо, Виктор Павлович. Это вам спасибо пока рано говорить. Нам нужны грамотные специалисты. Если оправдаете доверие, в будущем сможем предложить вам интересную работу. Я пожал ему руку. Выйдя из кабинета, я остановился в коридоре и ещё раз посмотрел на направление. Москва, 1981 год. Я хорошо знал этот город из своей прошлой жизни. Знал его улицы, станции метро, районы, институты. Но теперь мне предстояло увидеть его совершенно другим. Вечером Сергей застал меня за сбором вещей. Ты чего чемодан достал? В Москву уезжаю. Куда?! На подготовительные курсы. Буду поступать в институт. Сергей присел на кровать. Вот это поворот! А завод? Предприятие направляет. Буду получать стипендию. Значит, инженером станешь? Надеюсь. Он протянул мне руку. Ну, Димон, удачи тебе. Смотри, не забудь старых товарищей, когда большим начальником станешь. Не забуду, Серёга. Я улыбнулся. Впрочем, начальником становиться я не собирался. Мне хотелось гораздо большего. Следующие две недели прошли в хлопотах. Я оформил документы, получил необходимые справки, купил несколько тетрадей, ручек и учебников. Особое внимание уделил математике, физике и черчению. Несмотря на мой прежний опыт, я понимал, что экзамены требуют определённой подготовки. Нужно было привыкнуть к советской системе преподавания, вспомнить школьную программу и освоить те темы, которые в моё время уже считались элементарными. Накануне отъезда я получил в кассе предприятия деньги на дорогу и первую выплату стипендии. В кармане лежали билет до Москвы, направление и паспорт. Я ещё раз проверил документы. Всё было готово. Поезд отправлялся рано утром. Я устроился у окна в купейном вагоне. Напротив сидел мужчина средних лет с газетой «Правда». В Москву едете? спросил

он. Да. По работе? Учиться направляют. В институт хочу поступать. Молодец. Молодёжи образование нужно. А на кого? На инженера-энергетика. Мужчина одобрительно кивнул и снова раскрыл газету. Поезд тронулся. Я смотрел, как медленно исчезают за окном вокзальные здания. В голове строились планы. Мне предстояло поступить в институт, найти хорошую библиотеку, познакомиться с преподавателями, изучить научные разработки и понять, какие возможности существуют для будущего предприятия. Я собирался использовать время максимально эффективно. В Москве было немало научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов. Именно здесь я хотел найти людей, которые могли бы помочь мне реализовать мои идеи. Через несколько часов поезд прибыл в столицу. Я вышел на перрон и вдохнул прохладный московский воздух. Вокзал жил своей привычной жизнью. Носильщики с тележками, пассажиры с чемоданами, объявления по громкоговорителю. Я поправил ремень сумки и направился к выходу. Впереди была Москва. И на этот раз я приехал сюда не туристом и не случайным прохожим. Я приехал строить своё будущее. Первым делом нужно было добраться до общежития и узнать расписание подготовительных занятий. А уже на следующий день я собирался отправиться в институт, где мне предстояло провести ближайшие месяцы. Я прекрасно понимал: семьдесят восемь лет жизненного опыта не заменят молодому студенту дисциплины. Но у меня было преимущество, которого не было у остальных абитуриентов. Я уже знал, каким станет мир через десять, двадцать и тридцать лет. И теперь собирался подготовить себя к этому будущему. До общежития я добрался ближе к вечеру. Оно находилось недалеко от станции метро. Четырёхэтажное кирпичное здание, довольно старое, но вполне приличное. У входа стояли несколько студентов, курили и оживлённо обсуждали какую-то футбольную игру. Я показал направление коменданту. Соколов Дмитрий Александрович? переспросил пожилой мужчина, изучая бумаги. Да. Направлен от предприятия на подготовительные курсы? Совершенно верно. Комната двадцать три, второй этаж. Там уже двое проживают. Третьим будете. Постельное бельё получите у кастелянши. Пропуск не теряйте, без него после десяти вечера не пустим. Спасибо. Я поднялся на второй этаж и постучал. Открыто! В комнате находились двое молодых парней. Один сидел за столом над учебником, второй лежал на кровати и слушал радиоприёмник. Здравствуйте. Я Дмитрий Соколов. Меня к вам поселили. Заходи, отозвался парень за столом. Андрей. А это Михаил, но все зовут Мишкой. Очень приятно. Откуда приехал? спросил Михаил. Из Куйбышева. А мы оба из Горького. Тоже на подготовительные курсы приехали. Ты после армии? Нет, после школы работал на заводе. И предприятие тебя направило? Да, стипендию платят. Андрей отложил учебник. Повезло тебе. У нас родители деньги присылают. А ты куда поступать собираешься? В энергетический институт. В Московский энергетический? Да. Андрей присвистнул. Серьёзный выбор. Там математика непростая. Я улыбнулся. Разберёмся.

Глава 4

На следующее утро я проснулся рано. Соседи ещё спали, поэтому тихо умылся, оделся и вышел из общежития. Москва встретила меня серым осенним небом. Я добрался до метро. Спустился по эскалатору и невольно задержался, рассматривая станцию. В прежней жизни я сотни раз пользовался московским метро, но сейчас оно казалось почти новым. На улице я купил в киоске газету и отправился к институту. Московский энергетический институт. Я остановился перед главным зданием. Вот оно. Одно из мест, где готовили специалистов, от которых зависело будущее огромной страны. Внутри находились стенды с расписанием, объявления о научных кружках и информация для абитуриентов. Я нашёл нужный кабинет и постучал. Войдите. За столом сидела женщина лет пятидесяти. Вы по какому вопросу? Я направлен от предприятия на подготовительные курсы. Я протянул документы. Она внимательно их изучила. Соколов Дмитрий Александрович. Куйбышев. Хорошо. Занятия начинаются в понедельник. Будете изучать математику, физику, русский язык и черчение. Расписание получите у методиста. Скажите, а можно дополнительно посещать библиотеку института? Женщина подняла

глаза. Конечно. После оформления документов получите читательский билет. А что именно вас интересует? Электроэнергетика, автоматизация, силовая электроника. Хотелось бы также ознакомиться с научными работами по микропроцессорной технике. Она слегка улыбнулась. Вы ещё даже на первый курс не поступили, а уже интересуетесь научной работой? Хочу использовать время с пользой. Это похвально. Посмотрим, как вы будете учиться. В понедельник начались занятия. Нас было около тридцати человек. Кто-то приехал из небольших городов, кто-то из союзных республик. Большинство были вчерашними школьниками, но встречались и рабочие, решившие получить высшее образование. Преподаватель математики, мужчина лет сорока, написал на доске несколько заданий. Начнём с проверки знаний. Решите самостоятельно. Время сорок минут. Я взял карандаш. Первые задания были элементарными. Но я не стал торопиться и аккуратно записывал решения, соблюдая привычную математическую строгость. Когда время закончилось, преподаватель собрал работы. Через день он попросил меня задержаться после занятия. Дмитрий Александрович, подойдите. Я подошёл к столу. Вы где учились? В обычной школе. Потом работал на заводе. Интересно. У вас очень хорошая математическая подготовка. Причём вы не просто знаете формулы, а понимаете ход решения. Стараюсь. Продолжайте в том же духе. Думаю, с поступлением у вас проблем быть не должно, если сохраните такой уровень. Я поблагодарил его. Но настоящая работа только начиналась. Вечером я отправился в библиотеку. Получив читательский билет, прошёл между стеллажами. Здесь были учебники, научные журналы, сборники конференций. Я начал с литературы по электроэнергетике. Затем нашёл журналы, посвящённые вычислительной технике и микроэлектронике. И вот здесь я задержался надолго. Советская промышленность уже выпускала микропроцессоры и интегральные схемы. Имелись научные коллективы, работавшие над перспективными вычислительными системами. Но я знал, что в следующие десятилетия именно микроэлектроника станет основой огромного количества технологий. Я задумался. Начинать нужно не с попытки создать собственный микропроцессор. Для этого требовались огромные ресурсы и научная база. Гораздо разумнее было бы заняться разработкой и внедрением систем автоматизации на существующих отечественных компонентах. Это вполне могло стать основой будущего предприятия. Через неделю я познакомился с одним студентом старших курсов. Его звали Алексей Морозов. Ему было двадцать два года, он учился на четвёртом курсе и подрабатывал в лаборатории электрических машин. Мы разговорились в библиотеке. Ты из подготовительной группы? спросил он. Да. На какой факультет хочешь? Электроэнергетики. Тогда тебе надо познакомиться с лабораторией. У нас сейчас интересная работа по управлению электроприводом. Я заинтересовался. А можно посмотреть? Если научный руководитель разрешит. Завтра приходи после занятий. Я протянул ему руку. Дмитрий. Алексей. Мы обменялись рукопожатием. Я ещё не знал, что это знакомство окажется одним из самых важных в моей новой жизни. Ведь Алексей занимался именно тем направлением, которое я собирался развивать. А у меня уже было несколько идей, способных заинтересовать его научного руководителя. В тот вечер, возвращаясь в общежитие, я купил хлеб, кефир и пачку недорогого печенья. Денег пока было немного, но стипендия позволяла жить вполне спокойно. Я сел за стол, открыл тетрадь и написал новую строку: «Москва. Найти научного руководителя. Попробовать попасть в лабораторию. Начать работу над первым проектом». Затем посмотрел на соседей. Андрей решал задачи, Михаил читал газету. Дим, ты чего опять пишешь? спросил Мишка. Планирую будущее. Ты бы лучше девушку себе нашёл, чем всё будущее планировать. Я усмехнулся. Успею. *В моей прошлой жизни на это было потрачено слишком много времени. Теперь я не собирался торопиться.* Но уже на следующий день в лаборатории меня ждало неожиданное открытие: советские инженеры действительно работали над проблемами, которые я считал перспективными, только им не хватало одного практического опыта внедрения разработок в массовое производство.

Глава 5

На следующий день я проснулся около восьми утра. Занятий сегодня не было, и я решил немного отвлечься от учёбы. Вчера вечером, глядя на свою одежду, я пришёл к выводу, что выгляжу как обычный провинциальный рабочий, приехавший в столицу. В принципе, так оно и было. Но всё-таки хотелось привести себя в порядок. Восемнадцать лет это восемнадцать лет. Даже если внутри у меня семьдесят восемь, никто не отменял молодость. К тому же я прекрасно понимал: нельзя всю жизнь проводить между учебниками, заводами и лабораториями. Нужно знакомиться с людьми, гулять, ходить в кино, встречаться с девушками. Мужики, сказал я соседям за завтраком, где здесь можно нормально одеться? Михаил оторвался от газеты. А что, решил жениха из себя сделать? Решил выглядеть прилично. Андрей засмеялся: Съезди на барахолку. Там выбор большой. Только смотри, не купи какую-нибудь ерунду. А где она находится? Михаил объяснил, как добраться. И денег много не бери. Торговаться надо, понял? Понял, учитель. Я собрался, положил в карман деньги и отправился в город. Москва постепенно оживала. На улицах было много людей, возле магазинов выстраивались очереди, на остановках толпились пассажиры. До рынка я добрался на общественном транспорте. Барахолка оказалась довольно большой. Повсюду стояли торговцы с разложенными на столах вещами. Продавали одежду, обувь, часы, радиодетали, инструменты, книги и всякую домашнюю мелочь. Я неторопливо пошёл между рядами. Сначала присмотрел куртку. Нашёл добротную осеннюю, тёмно-синюю, без лишних украшений. Проверил молнии, швы и подкладку. Молодой человек, берите, хорошая вещь! убеждал продавец. Сколько? Он назвал цену. Я покрутил куртку в руках. Дороговато. На соседнем ряду похожая дешевле. Продавец усмехнулся. Ну, давайте договоримся. После небольшого торга мы сошлись на приемлемой сумме. Затем купил две рубашки, несколько футболок, свитер и хорошие брюки. Нашёл крепкие кожаные ботинки, которые мне особенно понравились. Отдельно приобрёл ремень. Потом остановился возле прилавка с часами. На нём лежали механические «Восток», «Полет» и несколько других моделей. Я посмотрел на часы «Полет». Сколько стоят? Хорошие часы. Советские, надёжные. Я взял их в руки, осмотрел механизм через заднюю крышку и решил купить. В моей прежней жизни у меня были дорогие швейцарские часы, но сейчас они были совершенно не нужны. Мне требовалось выглядеть естественно для своего возраста и положения. Когда покупки были закончены, я отошёл в сторону и посмотрел на свои пакеты. Получилось неплохо. Теперь у меня был приличный гардероб, а не только рабочая одежда. Возле небольшого киоска я купил горячий пирожок и стакан чая. Рядом стояли две девушки. Одна была светловолосая, с короткой стрижкой, другая шатенка с длинными волосами. Они о чём-то оживлённо разговаривали. Я невольно улыбнулся. *Ну вот, Дмитрий Александрович, пора возвращаться к человеческой жизни.* Взял свой чай и встал неподалёку. Девушки, извините, вы не подскажете, где здесь можно купить хорошую сумку? спросил я. Шатенка повернулась. А вам какую? Мужскую. Чтобы книги носить и документы. Вон там, дальше по ряду. Там разные продают. Спасибо. Вы не местный? неожиданно спросила блондинка. Приехал недавно. Из Куйбышева. Учиться приехали? Да. На подготовительные курсы при энергетическом институте. А я думала, вы уже студент, улыбнулась шатенка. Пока только готовлюсь. Мы немного разговорились. Девушки оказались студентками одного из московских техникумов. Звали их Наташа и Ирина. А вы один приехали? спросила Наташа. Один. В общежитии живу. Тяжело, наверное, в Москве привыкать? Ничего. Город интересный. Есть куда сходить. Ирина улыбнулась: В Москве скучать некогда. Особенно если есть компания. Я понял намёк, но решил не торопиться. Тогда, может быть, ещё встретимся? Я здесь пока плохо ориентируюсь. Покажете мне город? Наташа засмеялась. А вы быстро знакомитесь! Жизнь короткая, ответил я. Девушки рассмеялись. Мы договорились встретиться через несколько дней возле станции метро. Обменяться телефонами тогда было не так просто, как в будущем. Поэтому Наташа записала мне свой домашний номер на листочке из блокнота. Я аккуратно сложил бумажку и убрал в кошелёк. Домой я вернулся ближе к вечеру. Михаил первым заметил пакеты. Ничего себе! Ты что,

весь рынок скупил? Немного обновил гардероб. Андрей достал из пакета свитер. Хороший. А часы какие купил? «Полет». Дай посмотреть. Он покрутил часы в руках. Нормальные. Только смотри, не потеряй. Я переоделся в новые брюки, рубашку и свитер. Посмотрелся в зеркало. Теперь отражение мне нравилось гораздо больше. Восемнадцатилетний парень, вполне прилично одетый, с аккуратной стрижкой и механическими часами на руке. Ну что, мужики, как вам? спросил я. Теперь точно москвич, заявил Михаил. Я рассмеялся. Потом достал из кармана листочек с номером телефона. Андрей заметил его. О-о-о! Это ещё что? Познакомился с девушками. Вот это уже другое дело! А учёба-то не пострадает? Не переживай. Успею и учиться, и гулять. Я положил листочек в записную книжку. За окном постепенно темнело. В комнате пахло чаем, свежим хлебом и табаком. Я сидел на кровати и думал о своей новой жизни. В прошлый раз я слишком много работал, слишком часто откладывал личные радости на потом. Теперь хотел всё изменить. Мне предстояло получить образование, найти единомышленников, создать собственное дело. Но я также хотел молодости. Хотел друзей, поездок, знакомств, любви. И, пожалуй, впервые за долгое время у меня было ощущение, что я действительно живу. На следующий день я собирался позвонить Наташе. А после занятий всё-таки заглянуть к Алексею Морозову в лабораторию. В конце концов, одно другому не мешало. Я спокойно уснул.

Глава 7

Проснулся отдохнувшим и первым делом уставился в потолок, который поразил меня своими размерами. «Это что, я где-то заночевал?» промелькнуло в голове. Я повернул голову и огляделся. Рядом находились какие-то незнакомые парни. Где я? невольно вырвалось у меня. Ребята переглянулись. Дима, доброе утро! Ты что, забыл? спросил Андрей. Да он придуривается, усмехнулся Миха и снова уставился в учебник. Я поднялся с кровати и подошёл к незнакомому окну. За ним раскинулся совершенно незнакомый город. Обернувшись, я посмотрел на парня и спросил: Где я? В Москве, батенька, в Москве! с улыбкой ответил он. У меня всё перевернулось внутри. «Смена! Я же проспал на работу! Уволят ведь!» Я бросился искать одежду, но и она оказалась чужой. Причём вещи были новые, аккуратные, но я совершенно не хотел надевать то, что мне не принадлежало. Среди беспорядка из незнакомых предметов мой взгляд вдруг выхватил знакомый чемодан. Я метнулся к нему. Вот он! Мой чемодан! Внутри лежали мои привычные вещи. Облегчённо вздохнув, я быстро оделся. Моя суета удивила парней, хотя они знали меня всего два дня, поэтому особого беспокойства поначалу не проявили. Затем мой взгляд зацепился за дверь санузла, расположенного прямо в комнате. Я поспешил туда и закрылся изнутри. «Что происходит?» думал я, глядя на себя в зеркало. «Как я сюда попал? В Москву? Ладно бы Куйбышев или, на худой конец, Пенза. Но Москва? Как меня вообще сюда занесло?» Постояв ещё немного, я привёл себя в порядок и вышел из своего убежища. Парни по-прежнему занимались своими делами, словно ничего необычного не происходило. Я внимательно посмотрел на них и спросил: А вы вообще кто? Миха оторвался от учебника и удивлённо посмотрел на меня. Дим, ты в порядке? Да. Только вот не помню, как сюда попал. Ребята переглянулись. Теперь на их лицах появилось настоящее беспокойство. Ты серьёзно? Не шутишь? Нет, не шучу. Андрей поднялся со своего места. Тогда пойдём к медику. Пусть посмотрит, что с тобой. Я молча кивнул, и парни повели меня по незнакомому коридору. Я медленно шёл по незнакомому коридору, стараясь сохранять спокойствие. В голове крутилась только одна мысль: что вообще происходит? Впереди шёл Андрей, рядом со мной Миха. Оба время от времени поглядывали на меня, словно боялись, что я сейчас снова выкину какой-нибудь фокус. Дим, ты точно нормально себя чувствуешь? спросил Андрей. Да вроде. Голова не болит, не кружится. Просто ничего не понимаю. Слушай, ты вчера вечером нормально лёг спать. Мы ещё с тобой разговаривали. Ты сам сказал, что устал и хочешь отдохнуть. Вчера вечером? переспросил я. Ну да. А что? Я остановился. Какое сегодня число? Парни переглянулись. Шестнадцатое ноября, ответил Миха. Я машинально посмотрел на него. 16? Прошло больше

месяц ? Теперь уже оба остановились. Дим, ты нас пугаешь, произнёс Андрей. Мы дошли до небольшой комнаты с табличкой «Медицинский пункт». Андрей постучал и заглянул внутрь. Сергей Петрович, можно? Из-за стола поднялся мужчина лет пятидесяти в белом халате. Что случилось? Да вот Димка проснулся, говорит, ничего не помнит. Спрашивает, где находится, кто мы такие. Медик внимательно посмотрел на меня. Проходи, Дмитрий. Садись. Я сел на стул. Рассказывай, что помнишь. Помню, как лёг спать. А проснулся в незнакомой комнате. Ребята говорят, что я в Москве. Я не понимаю, как здесь оказался. А до этого где находился? Я задумался. В Ульяновске. Хорошо. А год какой помнишь? 1981. 16 октября, я запнулся. А какой сейчас год? Медик обменялся взглядом с Андреем. 1981. 16 ноября. У меня внутри всё похолодело. Не может быть. Почему? Я посмотрел на него и тихо произнёс: Потому что у меня сейчас должна быть совсем другая жизнь. Сергей Петрович попросил меня проследить глазами за его пальцем, проверить реакцию зрачков, измерил давление и температуру. Потом задал ещё несколько вопросов. Дмитрий, ты употреблял алкоголь вчера? Нет. Какие-нибудь препараты принимал? Нет. Ударов головой не было? Насколько помню, нет. Он записал что-то в журнал. Похоже на эпизод дезориентации. Но гадать не будем. Если действительно не помнишь последние события, необходимо обследование. А можно сначала узнать, где я вообще нахожусь? Андрей усмехнулся: Димон, ты чего, совсем? Мы в общежитии при подготовительных курсах. Ты же сам сюда приехал учиться. Я медленно повернулся к нему. При каких курсах? При московских. Ты поступать собираешься, забыл? В голове словно щёлкнул выключатель. Москва. Подготовительные курсы. Общежитие. Незнакомые парни. И вдруг я вспомнил, что действительно собирался ехать в Москву. Но почему всё вокруг казалось чужим? Почему я не помнил этих ребят, хотя они явно знали меня? 16 октября 1981 года. Москва. Я сидел на кушетке в кабинете врача и пытался осмыслить услышанное. В голове всё никак не укладывалось происходящее. Ещё недавно я был в Ульяновске, работал на приборостроительном заводе и мечтал поступить в техникум. А теперь оказался в Москве, в общежитии Московского энергетического института. И самое странное я совершенно не помнил целый месяц своей жизни. Скажите, пожалуйста, где я? спросил я упавшим голосом. Доктор, пожилой мужчина в белом халате, внимательно посмотрел на меня. Ты находишься в санатории-профилактории МЭИ. Здесь студенты и сотрудники института отдыхают и проходят оздоровительные процедуры. В санатории? переспросил я. Именно. Не переживай. Ничего страшного пока не вижу, но за тобой нужно понаблюдать. Сегодня воскресенье, поэтому никуда спешить не надо. Полежишь, отдохнёшь, а я за тобой присмотрю. Он немного помолчал, затем добавил: Если память не восстановится, будем разбираться дальше. Главное, не нервничай. Я только кивнул. Медсестра проводила меня по коридору и открыла дверь отдельной палаты. Вот здесь пока побудешь. Если что-нибудь понадобится, нажмёшь кнопку возле кровати. Спасибо. Я вошёл внутрь. Комната была небольшой, но уютной. Кровать, тумбочка, стол, стул и окно, выходившее во внутренний двор. Ничего особенного, но после общей комнаты общежития здесь было непривычно тихо. Я сел на кровать и посмотрел на свои руки.

Глава 8

Шестнадцатое октября 1981 года. Ульяновск. Приборостроительный завод. Мечты о техникуме. А теперь Москва и Московский энергетический институт. Что произошло за этот месяц? Как я оказался здесь? Почему меня поселили в общежитие МЭИ? И главное, кем я теперь являюсь для окружающих? Я лёг на подушку и закрыл глаза. Впервые за долгое время мне стало по-настоящему страшно. Не потому, что вокруг были незнакомые люди или незнакомый город. А потому, что я не знал, что со мной случилось и какую жизнь прожил за тот месяц, который совершенно выпал из моей памяти. Андрей, произнёс я, скажи, а мы давно знакомы? Третий день, Дим. Мы с тобой в одной комнате поселились. Третий день... Я посмотрел на свои руки, потом на отражение в небольшом зеркале над раковиной. Нет. Что-то здесь было совершенно не так. Ладно, наконец сказал я. Давайте начнём сначала. Расскажите мне всё, что

произошло со мной за эти три дня. Миха закрыл учебник, который принёс с собой, и посмотрел на Андрея. Кажется, у нас сегодня учёба отменяется. Похоже на то, ответил тот. А я впервые за это утро подумал, что, возможно, самое интересное в моей жизни только начинается. Парни, видимо, решили, что оставлять меня одного в таком состоянии неправильно, поэтому после разговора с врачом Андрей и Миха пришли навестить меня. Я сидел на кровати, когда они устроились на стульях возле окна. Ну что, Димон, как самочувствие? спросил Андрей. Нормально. Только вот объясните мне одну вещь. Что я здесь делал последние три дня? Парни переглянулись. А ты действительно ничего не помнишь? уточнил Миха. Вообще ничего. Рассказывайте. Андрей усмехнулся и начал: Ну, начнём с того, что приехал ты к нам из Ульяновска. Работал там на приборостроительном заводе, но решил, что заводская жизнь не для тебя. Собрался поступать в техникум, а потом вдруг начал рассуждать, что тебе вообще-то Москва нужна. И что дальше? А дальше ты появился здесь. Первые два дня ходил с таким видом, будто уже получил Нобелевскую премию. Всё рассказывал, как собираешься учиться, заниматься наукой и совершить настоящую революцию. Миха засмеялся: Да не просто заниматься! Он нам вчера полвечера объяснял, что советская наука развивается недостаточно быстро и что у него есть идеи, которые перевернут представление о некоторых вещах. Я недоверчиво посмотрел на него. Я это говорил? Ещё как! подтвердил Андрей. Причём с таким серьёзным лицом, что мы сначала решили: перед нами какой-то профессор, случайно забредший в общежитие. А ты всё время записывал что-то в тетрадь, добавил Миха. Формулы, схемы, какие-то расчёты. Мы даже пытались посмотреть, но ты сказал, что это пока секрет. Я задумался. Значит, за три дня я успел создать себе репутацию местного гения из Ульяновска, который приехал покорять столицу и переворачивать науку. А учёба? спросил я. Ну, ты собирался на подготовительные занятия. Говорил, что сначала надо подтянуть математику и физику, а потом уже браться за серьёзные дела. Понятно... Я откинулся на подушку. Получалась интересная картина. Неизвестный мне человек прожил здесь три дня, познакомился с ребятами, рассказал им о своих планах и даже успел произвести впечатление. Слушайте, а я действительно настолько умным вам показался? Миха хмыкнул: Димон, ты либо гениальный человек, либо очень хорошо умеешь производить впечатление. Другого объяснения пока нет. Андрей рассмеялся. Я тоже невольно улыбнулся, но внутри становилось всё тревожнее. Мне предстояло выяснить не только то, как я оказался в Москве, но и что именно успел наговорить за эти три дня. Особенно меня заинтересовали тетрадь и мои записи. Если я действительно что-то записывал, возможно, именно там находились ответы на вопросы, которые сейчас не давали мне покоя. Ребята принесли мне тетрадь с моими записями. Я взял её и принялся внимательно листать страницы. Да, сомнений не было почерк мой. Буквы, наклон, даже привычка подчёркивать отдельные слова. Всё моё. Но вот содержание... Я вчитывался в формулы, схемы и какие-то расчёты, пытаясь хоть что-нибудь понять. Из всего написанного мне был знаком только закон Ома. Остальное выглядело как записи какого-то учёного. Я перевернул несколько страниц, потом достал ручку и на чистом листе написал: «16 октября 1981 года». Немного подумав, добавил: «Очнулся 16 ноября 1981 года. Целый месяц моей жизни выпал из памяти. Не помню, что делал, где был и чему научился. Записи в моей тетради написаны моим почерком, но содержание мне совершенно незнакомо». Я перечитал написанное и тяжело вздохнул. В этот момент в палату вошёл доктор. Увидев тетрадь, он заинтересованно посмотрел на неё. Это что у нас тут? Мои записи, ответил я. Можно посмотреть? Я протянул ему тетрадь. Доктор начал листать страницы. Сначала просто просматривал, потом задержался на нескольких формулах. Его лицо постепенно менялось. Дмитрий, это действительно ты написал? Да. Почерк мой. Но я не знаю, что здесь написано. Как это не знаешь? Вот так. Я понимаю закон Ома, немного знаю физику со школьной программы. А всему остальному хотел научиться. Но то, что здесь написано... Такое впечатление, будто тетрадь принадлежит какому-то профессору. Доктор поднял на меня глаза. Ты утверждаешь, что ничего этого не помнишь? Именно. Он ещё раз посмотрел на записи, затем

позвал коллегу. Они отошли к окну и некоторое время негромко переговаривались. Я слышал отдельные слова, но не мог разобрать всего разговора. Амнезия... Дезориентация... Возможно, психическое расстройство... Наконец доктор подошёл ко мне. Дмитрий, тебе нужно отдохнуть. Мы пока оставим тебя под наблюдением. Но я же ничего не выдумываю! Никто тебя не обвиняет. Просто необходимо разобраться. Он забрал тетрадь. А её я пока оставлю у себя. Только не потеряйте. Это единственное, что у меня есть. Доктор кивнул и вышел вместе с коллегой. Вскоре медсестра принесла мне ужин, а потом закрыла дверь палаты снаружи. Я остался один. Вот так дела... Приехал из Ульяновска в Москву, мечтал о техникуме, а теперь меня считают то ли гением, то ли сумасшедшим. И самое неприятное заключалось в том, что я сам не мог доказать обратное. Я лёг на кровать и посмотрел в потолок. Шестнадцатое ноября 1981 года. Месяц неизвестной мне жизни. И тетрадь, в которой моим почерком были написаны знания, которыми я никогда не обладал.

Глава 9

На следующий день за мной пришли Андрей и Миха. Димон, подъём! Хватит в санатории прохлаждаться. Сегодня занятия, весело заявил Андрей, заглянув в палату. Меня уже выпускают? Ну, доктор сказал, что можешь посещать занятия. Только попросил не перенапрягаться и заходить к нему, если что-то почувствуешь. Я умылся, оделся, и мы отправились в учебный корпус. По дороге я внимательно рассматривал Москву. Ноябрьская осень, деревья почти облетели, прохладный воздух, серое небо. Всё казалось одновременно знакомым и совершенно чужим. Особенно странно было осознавать, что на дворе Москва. Слушай, Андрей, а как я вообще учился до этого? спросил я. Да нормально ты учился. Даже слишком хорошо. Иногда такое выдавал, что преподаватели сами удивлялись. А теперь? Андрей замялся. Ну, теперь тебе придётся немного восстановиться. Мне не понравился его ответ. В аудитории Миха усадил меня рядом с собой. Несколько ребят обернулись. О, Димка вернулся! Ну что, профессор, поправился? Я неловко улыбнулся. Вроде того. Началось знакомство. Андрей представлял меня одногруппникам, называл имена, рассказывал, кто откуда приехал. Я старался запоминать, но информация буквально проходила мимо меня. Потом мы познакомились с преподавателем. Дмитрий, рад видеть тебя на занятиях, сказал он. Как самочувствие? Спасибо, нормально. Только не торопись. Нам сообщили о твоих проблемах с памятью. Я кивнул. Преподаватель начал занятие, и я попытался сосредоточиться. На доске появились формулы, какие-то обозначения, расчёты. Я смотрел на них и понимал, что многое мне незнакомо. В какой-то момент Миха наклонился ко мне и тихо пояснил: Ты раньше такие задачи щёлкал как орешки. А сейчас не переживай. Восстановишься. Но почему-то от этих слов становилось только хуже. На перемене ребята собрались возле нас. Кто-то спросил, помню ли я вчерашний разговор, кто-то пошутил про мои научные открытия. Андрей, видимо, решил объяснить ситуацию остальным: Вы не обращайте внимания. У Димки сейчас проблемы. Врачи говорят, что у него какое-то расстройство памяти. Он многое забыл, поэтому может вести себя немного странно. Все понимающе закивали. И вот тогда я почувствовал себя по-настоящему неуютно. Ещё несколько дней назад, судя по рассказам ребят, я был здесь человеком, которого считали необычайно способным. Со мной спорили, меня слушали, интересовались моими идеями. А теперь на меня смотрели как на больного. Никто вроде бы не издевался, никто не говорил ничего обидного. Но в их взглядах появилось что-то новое осторожность, жалость и снисхождение. Я чувствовал себя ущербным. Даже когда преподаватель задавал вопрос, я не решался поднять руку. Боялся ошибиться и лишний раз подтвердить чужие подозрения. После занятий мы вышли на улицу. Дим, ты чего такой хмурый? спросил Миха. Ничего. Да ладно тебе. Всё наладится. Я посмотрел на ребят и подумал, что самое трудное сейчас не потеря памяти. Самое трудное заново стать человеком среди тех, кто уже составил обо мне мнение. Причём мнение, основанное на чужих рассказах о моей прежней жизни. А я даже не мог вспомнить, каким человеком был всего месяц назад. Тень прошлого постоянно преследовала меня. Я всё чаще замечал

в глазах окружающих сочувствие и жалость. Никто не говорил ничего плохого, но от этого становилось только тяжелее. Казалось, все знали прежнего Дмитрия, а я был каким-то самозванцем, занявшим его место. Так продолжалось несколько дней, и однажды ко мне не подошла девушка. Дмитрий, здравствуй! Я поднял голову. Передо мной стояла очень симпатичная девушка. Стройная, с приятной улыбкой и внимательными глазами. Здравствуйте, ответил я. Я Катя Симбирцева, комсорг первого курса и вашего подготовительного отделения. Ты должен комсомолу взносы. Да, да, конечно, засуетился я и полез в карман. Катя присела рядом и с любопытством наблюдала за мной. А правда, что ты у нас Эйнштейн? Я пожал плечами. Имя мне ничего не говорило. Вернее, я вроде бы слышал его когда-то, но сейчас совершенно не мог вспомнить, кто это такой.

Катя заметила моё замешательство. Подожди, ты что, не знаешь, кто такой Эйнштейн? Мне стало ужасно неловко. Особенно потому, что передо мной сидела красивая девушка, а я выглядел полным невеждой. Ну... наверное, брат Карла Маркса, неуверенно ответил я. Катя на секунду замерла, а потом просто улыбнулась. Дмитрий, ты лечись, посоветовала она. Забрав мои две копейки комсомольских взносов, девушка поднялась и направилась к выходу. Я ещё некоторое время смотрел ей вслед. Вот тебе и познакомился с девушкой. Причём умудрился выставить себя полным дураком. Я достал свою тетрадь и аккуратно записал: «Сегодня приходила комсорг Катя Симбирцева. Взносы уплатил. Красивая девушка. Спросила про Эйнштейна. Не смог ответить. Надо разобраться, кто такой Эйнштейн». Перечитал запись, закрыл тетрадь и положил её на тумбочку. День выдался непростым. Хотелось просто отключиться от всех переживаний. Я лёг, укрылся одеялом и вскоре уснул.

Глава 10

Проснулся я с настроением. Открыл глаза, посмотрел в потолок и вдруг поймал себя на мысли: а ведь я могу перевернуть этот мир! И не просто перевернуть, а сделать его лучше. «Ну что ж, Дмитрий, хватит киснуть. Раз уж судьба забросила тебя сюда, надо пользоваться возможностью». Я быстро умылся, оделся и начал собираться на занятия. Посмотрел на кровати соседей. Парни даже не думали просыпаться. Вы что, дрыхнете? Подъём! Это что за массовый бойкот учёбы? Андрей, не открывая глаз, пробурчал: Отстань, Дима. У тебя что, новые заходы начались? Ну и спите! Я махнул рукой, выскочил в коридор и направился вниз. На первом этаже возле дежурной сидела знакомая женщина. Тётя Катя, доброе утро! Стоять! Я остановился и удивлённо посмотрел на неё. Она подозрительно оглядела меня с ног до головы. Ты куда собрался? Как куда? На занятия. А ну-ка, Дмитрий, присядь на стульчик. Поговорим. Она указала на свободный стул, а сама потянулась к телефону. Сергей Петрович? Тут Соколов снова чудить начал... Я нахмурился. Что за тон? И почему ко мне такое отношение? Не успел я задать вопрос, как через некоторое время появился доктор. Незнакомый мужчина в белом халате. Здравствуй, Дима. Здравствуйте, доктор. Он внимательно посмотрел на меня. Хм... А ты меня не помнишь? Нет. А должен? Понятно. Пройдём-ка со мной. Мы отправились в соседний корпус. Там меня провели в кабинет и предложили лечь на кушетку. Ну что, Дмитрий, расскажи, что ты помнишь? Я приподнялся на локте и посмотрел на него. А с какой целью интересуетесь? Доктор замер, потом медленно посмотрел на меня. Просто хочу понять, как ты себя чувствуешь. Я оглядел кабинет. Стол, шкаф с медицинскими карточками, кушетка, окно. Ничего особенного. Доктор хлопнул себя ладонями по коленям, посмотрел на часы и неожиданно предложил: Ладно, пойдём пока в палату. Меня отвели обратно и закрыли дверь на ключ. Вот это новости! Я остался один и сел на кровать. «Так, Дмитрий, спокойно. Не паникуем». Постепенно до меня начало доходить, что происходит. Это другое время. Советский Союз. 1981 год. А я человек из другой эпохи. И, похоже, уже успел привлечь к себе слишком много внимания. Может, меня каким-то образом вычислили? Но как? Я ведь не рассказывал никому, откуда на самом деле. Хотя, если подумать, моя бурная деятельность и странные высказывания могли вызвать подозрения. «Надо было вести себя осторожнее. А то ведь действительно в

психушку определят». Я встал и прошёлся по комнате. Теперь главное не выдавать себя. Никаких разговоров о будущем, никаких громких заявлений о перевороте науки. Сначала нужно понять, что здесь происходит, освоиться и разобраться в собственной ситуации. Вскоре в замке повернулся ключ. Дверь открылась, и в палату вошли двое мужчин в белых халатах. Я посмотрел на них. «Ну вот, началось», подумал я. Здравствуй, Дима. Меня зовут Валерий Павлович, представился мужчина в белом халате. А я Дима. Студент подготовительного курса, ответил я. Хорошо, Дима. Скажи, пожалуйста, какое сегодня число? Какое? Шестнадцатое ноября. Понедельник. Мужчина внимательно посмотрел на своего коллегу. Они переглянулись, и я сразу почувствовал неладное. «Так, кажется, я попал. И ведь как глупо!» Валерий Павлович придвинул стул поближе к кровати. А ты уверен, что сегодня шестнадцатое ноября? Абсолютно. А что не так? Ничего страшного, Дима. Просто мы хотим убедиться, что с тобой всё в порядке. Я посмотрел на второго мужчину. Тот что-то записывал в блокнот. «Ага, значит, меня исследуют. Интересно, что именно они хотят выяснить?» Доктор, а можно вопрос? Конечно. Почему меня заперли в палате? Я ведь собирался на занятия. Валерий Павлович немного помолчал. Дима, сейчас тебе лучше отдохнуть. Учёба подождёт. Мы во всём разберёмся. Но я совершенно здоров! Хорошо, хорошо. Не волнуйся. Ложись, отдыхай. Позже мы ещё поговорим. Он поднялся, поправил халат и направился к двери. Его коллега последовал за ним. До свидания, Дмитрий. До свидания. Дверь закрылась, и я снова остался один. Я сел на кровать и задумался. Что-то здесь явно не сходилось. Они задавали вопросы, переглядывались, записывали мои ответы. Причём дата, которую я назвал, почему-то вызвала у них особенный интерес. «Так, спокойно. Главное не паниковать. Нужно выяснить, какое сегодня число на самом деле. И почему они считают мои ответы странными». Я посмотрел на окно. Похоже, моя новая жизнь в Советском Союзе начиналась совсем не так, как я рассчитывал.

Глава 11

Что-то случилось, пока я спал, определил я. Так, Дима, спокойно. Не паникуй. И тут я вспомнил о своей тетрадке. Чёрт! Она же у меня была, там все записи! В этот момент в палату вошли санитары. Я решил не изображать из себя буйно помешанного, не сопротивлялся и спокойно пошёл за ними. Когда мы встретили доктора, я смиренно обратился к нему: Извините, а можно мне забрать с собой тетрадку? Там важные записи. Конечно, Дима. Мы всё заберём, не волнуйся, ответил доктор. И меня увели. Ну всё, попал в дурку, подумал я, когда меня переодели в больничную пижаму. Вокруг находились такие же, как я, пациенты. Кто-то сидел молча, кто-то разговаривал сам с собой, а один мужчина бесцельно ходил по коридору. Спокойно, Дима, спокойно. Ты выберешься. Главное не делать глупостей. Я сел на стул и стал ждать. Вскоре меня снова привели к доктору. Здравствуй, Дима! Я не стал умничать и просто поздоровался с человеком, которого, по моим ощущениям, видел всего два часа назад. Ты помнишь, что это такое? спросил он, помахивая передо мной моей тетрадкой. Да, ответил я. Это мои записи. А вот знаешь ли ты закон Ньютона? спросил доктор, заглядывая в тетрадь. Да. А кто такой Эйнштейн? Тоже знаю, лениво ответил я. Доктор протянул мне тетрадь. Я взял её и быстро открыл последнюю страницу. Прочитал несколько строк и всё сразу понял. Вот оно что! Похоже, у меня раздвоение личности. Или, если точнее, я каким-то образом теряю сознание, а потом возвращаюсь в совершенно другое время. По крайней мере, записи указывали именно на это. Но делиться своими догадками с доктором я не стал. Просто закрыл тетрадь и положил её рядом. Доктор внимательно наблюдал за мной. Кажется, моё спокойствие его удивляло. Хм... Ты помнишь, откуда приехал? продолжил он. Да. Из Ульяновска. Приехал в Москву, чтобы поступить в МЭИ. Хорошо, кивнул доктор. А какое сегодня число? Шестнадцатое ноября, уверенно ответил я, решив придерживаться прежней версии. Хорошо, повторил он и сделал какую-то пометку в карте. Затем посмотрел на меня с особым интересом. А знаешь, я тебя обрадую. Сегодня тринадцатое декабря. Он произнёс это медленно, внимательно следя за моей реакцией. Хорошо, спокойно ответил я. Доктор явно ожидал другого. Наверное, рассчи-

тывал увидеть удивление, испуг, возмущение или хотя бы попытку спорить. Но ничего этого не произошло. Я просто сидел перед ним и смотрел на него совершенно обычным взглядом.

Кажется, его интересный клинический случай начал ускользать из рук. Вместо ожидаемой бурной реакции перед ним сидел совершенно спокойный пациент, который, по мнению врача, просто не осознавал своего положения. Доктор ещё немного посмотрел на меня, сделал запись в карте и позвал санитаров. Меня проводили обратно в палату. Меня проводили в палату. Небольшая комната, четыре кровати, два окна с решётками и столик возле стены. На одной кровати лежал мужчина лет пятидесяти, что-то бормоча себе под нос. Второй пациент сидел у окна и внимательно рассматривал собственные ладони. Третий ходил из угла в угол, периодически останавливаясь и прислушиваясь к чему-то одному ему известному. Вот твоя кровать, Дима, сказал санитар, указав на свободное место. Располагайся. Спасибо, спокойно ответил я. Дверь закрылась. Ну что ж, Дмитрий Соколов, поздравляю. Ещё вчера ты собирался учиться в МЭИ, а сегодня оказался в психиатрической больнице. Причём, судя по всему, совершенно официально. Я сел на кровать и достал из кармана пижамы свою тетрадку. Её всё-таки вернули. Это уже хорошо. Открыл последнюю страницу. А там значилось 16 октября 1981 года. Я закрыл тетрадь. Эй, новичок! раздался голос с соседней кровати. Я повернулся. Мужчина пятидесяти лет внимательно смотрел на меня. Ты чего такой спокойный? А каким мне быть? Ну, обычно новенькие кричат, ругаются, домой просятся. А ты давно здесь? Третий месяц. И как, нравится? Мужчина неожиданно рассмеялся. Ты мне определённо нравишься, новичок! Я невольно улыбнулся. Ладно. Первое правило не привлекать лишнего внимания. Второе выяснить, что именно произошло за этот месяц. И третье выбраться отсюда. Но для начала придётся разобраться с самым неприятным вопросом. Если я действительно потерял управление собственным телом, то кто прожил за меня эти три недели? И что он успел натворить? Я снова посмотрел на тетрадку. Кажется, именно там находился ответ. Я сидел на кровати, положив тетрадку на колени, и перечитывал записи снова и снова. Постепенно всё становилось на свои места. Кажется, я наконец понял, что произошло. Когда я уснул, моё сознание вернулось в тело его настоящего хозяина. Причём не просто вернулось, а перенеслось в исходную точку 16 октября 1981 года. Вместе с ним вернулись его собственные знания, воспоминания и мироощущение. А я? А я, находясь в его теле, за этот месяц успел совершить маленькую революцию. Вырваться с приборостроительного завода, добраться до Москвы, попасть на подготовительные курсы МЭИ и своими знаниями расположить к себе, кажется, половину института. Я невольно усмехнулся. Да уж... Как же трудно пришлось парню с такой ношей! Завод, общежитие, чужая жизнь, непонятные события. А ведь он даже не представлял, что с ним происходит. Получается, мы оба живём в одном теле, но в разных временных отрезках. И каждый раз, когда один из нас засыпает, другой получает возможность прожить свою часть жизни. Но какова периодичность? Месяц? Или это вообще не связано со временем? Может, всё зависит от каких-то обстоятельств? Я отложил тетрадь и потёр лицо ладонями. Так, Дима, без паники. Нужно рассуждать логически. Допустим, сегодня тринадцатое декабря 1981 года. Я нахожусь в психиатрической больнице. А мой второй жилец сейчас, вероятно, снова живёт своей обычной жизнью, ничего не подозревая. А что, если завтра я опять усну и вернусь в его сознание? Нужно оставить ему сообщение!

Глава 12

Я даже оживился и потянулся за карандашом. «Привет! Если ты читаешь это, знай: ты не сумасшедший. В твоём теле находится ещё один человек. Я пришёл из другого времени. Меня зовут Дима. Я знаю физику, математику и многое о будущем. Не бойся меня. Нам нужно научиться общаться». Я перечитал написанное и поморщился. Нет, ерунда какая-то. Какой ещё человек из другого времени? Это же примитивный рабочий парень из 1981 года. Он, судя по записям, даже Эйнштейна толком не знает. Откуда ему понять подобные объяснения? Решит, что окончательно сошёл с ума, и побежит к врачу. Нужно действовать иначе. Я перевернул

страницу. «Если ты читаешь эти записи, значит, у тебя бывают провалы во времени. Не бойся. Ты здоров. Просто у тебя есть необычная особенность. Попробуй запоминать всё, что происходит, и записывать даты. Особенно обращай внимание на то, когда ложишься спать и когда просыпаешься». Вот это уже лучше. Но оставался главный вопрос: как выбраться из больницы? Я посмотрел на дверь палаты. За ней находились санитары, врачи и целая система, которая уже записала меня в психически больные. И ведь самое обидное я не мог просто рассказать им правду. Как объяснить человеку, что ты не тот, за кого тебя принимают? Что у тебя есть знания из будущего, но тело принадлежит другому человеку? Нет, здесь нужна осторожность. Я снова взял карандаш и написал крупными буквами: «ПЕРВОЕ. ВЫЯСНИТЬ ПЕРИОДИЧНОСТЬ СМЕНЫ СОЗНАНИЯ. ВТОРОЕ. НАУЧИТЬСЯ ОСТАВЛЯТЬ СООБЩЕНИЯ САМОМУ СЕБЕ. ТРЕТЬЕ. НЕ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ НАС ОБОИХ ПРИЗНАЛИ СУМАСШЕДШИМИ». Поставил точку и откинулся на спинку кровати. Вот так задачка! Я привык думать, что попаданец это человек, который получил второй шанс, знания будущего и возможность изменить историю. Но никто не предупреждал, что у второго шанса может оказаться второй хозяин. И, кажется, именно с ним мне предстояло договориться. И тут меня осенила простая мысль. А ведь я всё это время рассуждал неправильно! Я пытался придумать, как объяснить ему происходящее, как заставить его понять меня, как научить пользоваться моими знаниями. Но зачем? Он обычный парень из 1981 года. У него своё воспитание, свои привычки, своё представление о мире. Нельзя требовать от него, чтобы он за один день стал другим человеком. Да и нужно ли? Я посмотрел на тетрадку и усмехнулся. А ведь всё гораздо проще. Я могу не заставлять его становиться мной. Я сам могу стать им. Мне нужно научиться думать так, как думает он, говорить его словами, помнить его прошлое и понимать его окружение. Для всех вокруг я должен оставаться тем самым парнем, который приехал из Ульяновска и поступает в МЭИ. А свои знания никуда не денутся. Они останутся при мне. Получается, мне предстоит освоить сразу две жизни. Одну ту, которую я помню, и другую ту, которую проживал настоящий хозяин тела. Я снова открыл тетрадку и написал: «Не пытаться переделать хозяина тела. Не пугать его рассказами о будущем. При следующем возвращении просто жить его жизнью. Постепенно разбираться в его обстоятельствах. Главное сохранить собственную личность и не потерять возможность управлять ситуацией». Я задумался. Но была ещё одна проблема. Если я научусь жить его жизнью, то смогу ли потом вернуться к своей? И не получится ли так, что однажды я окончательно привыкну к его миру и уже не захочу возвращаться? От этой мысли мне стало не по себе. Нет, Дима. Сначала нужно выбраться из психушки. А там разберёмся. Я спрятал тетрадку под матрас и оглядел палату. Нужно было начинать с малого. Прежде всего понять, как здесь всё устроено и сколько времени меня собираются держать. Эй, сосед, обратился я к мужчине на соседней кровати. А давно ты здесь? А тебе зачем? Да просто интересно. Месяц, наверное. А может, два. Тут время быстро идёт. А за что тебя положили? Мужчина посмотрел на меня с подозрением. За правду. Это как? Я начальству сказал, что они всё неправильно делают. А они меня сюда отправили. Я едва удержался от улыбки. Понятно. Значит, опасный человек. Ещё какой! совершенно серьёзно ответил он. Я решил больше не расспрашивать. В этой палате лучше было поменьше выделяться. Вскоре принесли обед. Обычная больничная еда, ничего особенного. Я поел, помыл ложку и вернулся на кровать. Надо было продумать дальнейшую стратегию.

Глава 13

С врачами спорить бесполезно. Доказывать, что я здоров, тоже не стоит. Нужно вести себя спокойно, отвечать на вопросы, выполнять обычные требования. В конце концов, если человек не буйный, ориентируется в пространстве, помнит свою биографию и способен поддерживать разговор, это должно сыграть мне на руку. Но самое главное тетрадка. Я достал её, когда санитар ушёл, и ещё раз просмотрел записи. Теперь меня интересовали не столько события, сколько даты. Шестнадцатое октября начало моей новой жизни в этом теле. Шест-

надцатое ноября возвращение прежнего сознания. Тринадцатое декабря моё новое пробуждение. Стоп! Я снова посмотрел на даты. Между шестнадцатым ноября и тринадцатым декабря прошло двадцать семь дней. А до этого я прожил в его теле целый месяц. Получается, никакой точной периодичности пока нет. Возможно, переключение происходит во время сна, но почему именно тогда неизвестно. Я записал свои наблюдения. Вечером нас повели в душевую. После возвращения в палату я заметил, что сосед уже лежит под одеялом. Слушай, тихо спросил он, а ты откуда? Из Ульяновска. А чего в Москву приехал? Учиться хотел. И что, выучился? Я посмотрел на него и невольно рассмеялся. Пока не успел. Ну, ничего. Молодой ещё. Я лёг на кровать. Молодой... Да если бы ты знал, сколько всего я успел узнать за свою жизнь! Но вслух я ничего не сказал. Ночью долго не мог заснуть. Мысли крутились вокруг одного и того же. Что сейчас происходит с моим вторым «я»? Может, он уже проснулся в октябре и снова отправился на завод? А может, обнаружил мои записи и пытается разобраться? И тут я понял ещё одну вещь. Мне нужно оставить ему не просто инструкцию, а понятный план действий. Причём такой, который не вызовет подозрений у посторонних. Я достал карандаш и написал: «Если ты читаешь это, продолжай учиться. Не бросай подготовительные курсы. Не бойся новых знаний. Если что-то непонятно, спрашивай преподавателей. Не рассказывай никому о наших необычных провалах. И самое главное береги себя». Немного подумал и добавил: «Мы с тобой не враги. У нас одна жизнь и одно тело. Постарайся не мешать мне, а я не буду мешать тебе». Перечитал и остался доволен. Вот теперь нормально. Я спрятал тетрадку и закрыл глаза. Завтра предстояло снова разговаривать с доктором. И, судя по всему, мне придётся убедить его в том, что я вполне обычный студент, который просто немного запутался в датах. А это, пожалуй, будет не так уж сложно. Главное не забыть, что для окружающих я Дмитрий Соколов, парень из Ульяновска, приехавший в Москву поступать в МЭИ. И никакой я не попаданец. По крайней мере, пока об этом никто не знает. Проснувшись утром, я понял, что вчера рассуждал совершенно неправильно. Я всё пытался придумать, как выбраться отсюда, как объяснить доктору свою особенность, как доказать, что я совершенно нормальный человек. Но ведь именно это и было моей главной ошибкой! Я не выберусь из психушки, пока представляю интерес для доктора. А интерес у него могут вызывать мои знания, необычные рассуждения, неуёмная изобретательность и способность удивлять окружающих. Каждый раз, когда я демонстрирую свои способности, я становлюсь для него ещё более интересным пациентом. А мне это совершенно ни к чему. Нужно стать обычным. Тихим, неприметным пациентом, который не задаёт лишних вопросов, не спорит с врачами и не пытается блеснуть интеллектом. Пусть доктор скучает. Пусть считает меня самым обыкновенным случаем в своей практике. А хозяин сознания этого тела сам разберётся, как ему жить дальше. Он ведь не сумасшедший. У него есть собственная жизнь, собственные воспоминания и, в конце концов, собственная голова на плечах. Я посмотрел на тетрадку. Вот она, главная улика. Единственное доказательство моей необычной особенности. Даты, записи, рассуждения, попытки разобраться в происходящем. Именно она представляла наибольшую опасность. Я долго держал её в руках, перелистывая страницы. Здесь была вся моя история за последнее время. Побег с приборостроительного завода, Москва, подготовительные курсы, знакомства, мои мысли и наблюдения. Но теперь всё это нужно было оставить в прошлом. Я разорвал первую страницу, затем вторую. Потом третью. Рвал медленно, стараясь не шуметь, пока от тетрадки не осталась кучка мелких бумажных обрывков. Посмотрел на них и вздохнул. Всё. Больше никаких доказательств. Никаких попыток объяснить необъяснимое. Я собрал кусочки и выбросил их. Теперь оставалось только смириться с обстоятельствами. Психушка это не временное приключение и не забавное недоразумение. Пока я здесь, я пациент. И чем быстрее перестану привлекать внимание, тем лучше. Доброе утро, Дима! заглянул в палату санитар. Доброе, спокойно ответил я. Как спалось? Хорошо. Спасибо. Ну вот, уже лучше. Сейчас завтракать пойдём. Я поднялся с кровати и последовал за ним. В столовой сел за свободный столик, получил кашу и чай. Ел молча, ни с

кем не разговаривал и ни на кого особо не смотрел. После завтрака нас снова повели в палату. Я решил для себя: никаких умных разговоров, никаких демонстраций знаний, никаких рассуждений о будущем. Я обычный пациент. Спокойный, немного замкнутый, без особых претензий. И пусть так будет столько, сколько потребуется. Правда, оставался один неприятный вопрос: если я снова усну и моё сознание вернётся к хозяину тела, что он подумает, обнаружив, что оказался в психиатрической больнице? Но это уже его проблема. Я сделал всё, что мог. Теперь каждый из нас должен был самостоятельно разобраться со своей жизнью.

Глава 14

Глаза мои открылись, и первое, что я почувствовал, что нахожусь в каком-то незнакомом помещении. Я несколько секунд смотрел в потолок, пытаясь понять, где нахожусь. Затем повернул голову. Больничная палата. Я резко сел на кровати и огляделся. Рядом лежали какие-то люди, один из них тихо разговаривал сам с собой, другой неподвижно смотрел в окно. Где я? Почему я здесь? Я вскочил и направился к двери. Вышел в коридор, оглядываясь по сторонам. Всё выглядело странно. Белые стены, запах лекарств, пациенты в одинаковых пижамах. Здравствуй, Дима! Я обернулся. Передо мной стоял мужчина в белом халате. Здравствуйте. А где я? Что со мной случилось? Успокойся, Дима. Ты в больнице. Не волнуйся. Меня мягко усадили на стул. Я совершенно растерялся. В голове крутились обрывки воспоминаний. Москва, МЭИ, подготовительные курсы, учёба, странное отношение сокурсников... И вот теперь я оказался в каком-то непонятном месте. Постепенно до меня начало доходить. Неужели всё-таки это произошло? У меня психическое расстройство. Иначе как объяснить происходящее? Наверное, я действительно не выдержал. Москва, учёба, постоянное напряжение, попытки выбраться из привычной жизни... Может, зря я вообще затеял эту учёбу? Работал бы себе на заводе, получал зарплату, жил спокойно. Не было бы никаких проблем. Ну что, Дима, поговорим? спросил доктор. Я молча кивнул. Ты помнишь, как сюда попал? Не совсем. Я помню Москву. Учёбу. МЭИ. А дальше... не знаю. Доктор внимательно посмотрел на меня и что-то записал в свою карту. Хорошо. Не торопись. Мы во всём разберёмся. Меня подняли со стула и повели по коридору. По дороге я заметил табличку на двери кабинета. Врачебный кабинет. Вот теперь стало совсем не по себе. Я ведь всего лишь хотел учиться. Хотел выбраться из заводской жизни, добиться чего-то большего. А теперь сижу в психиатрической больнице и даже не понимаю, сколько времени прошло. Когда мы вошли, доктор предложил мне сесть. Дима, давай начнём сначала. Расскажи о себе. Откуда ты приехал и чем занимался до Москвы? Я опустил глаза. Из Ульяновска я. Работал на приборостроительном заводе. А потом решил поступать в институт... Вот как, произнёс доктор. А почему решил оставить завод? Я пожал плечами. Хотел другую жизнь. Думал, образование поможет.

Доктор внимательно посмотрел на меня. Ну что ж, Дима. Давай попробуем разобраться, что с тобой произошло. Нам никуда не нужно торопиться. Дима, скажи, ты понимаешь, почему оказался здесь? спросил доктор, откладывая ручку. Я некоторое время молчал. Наверное, у меня нервный срыв был. Почему ты так решил? Ну как... Москва, учёба, всё новое. Может, перенервничал. Последнее время плохо спал. Доктор внимательно посмотрел на меня. А ты помнишь, как тебя зовут? Дмитрий Соколов. Сколько тебе лет? Я назвал свой возраст и вдруг почувствовал какое-то странное облегчение. По крайней мере, на эти вопросы я мог отвечать без затруднений. Хорошо. А какое сегодня число, Дима? Я задумался. Не знаю. Ноябрь? Доктор чуть заметно улыбнулся. Уже тринадцатое ноября . Ноября? переспросил я. Да. Ты удивлён? Конечно. Я думал, что ещё октябрь. Он сделал пометку в карте. Ничего страшного. Такое бывает. Сейчас тебе нужно отдохнуть, а мы понаблюдаем за твоим состоянием. Я кивнул. А долго я здесь пробуду? Пока трудно сказать. Всё будет зависеть от твоего состояния. Вот это мне совсем не понравилось. Меня проводили обратно в палату. По дороге я старался не смотреть на остальных пациентов. Не хотелось даже думать, что теперь я один из них. На свободной кровати лежала моя одежда, аккуратно сложенная на стуле. Я сел рядом и посмотрел на свои

руки. Странно. Я ведь прекрасно помнил, как работал на заводе, как оказался проснувшись в Москве на подготовительных курсах. Но почему-то в памяти оставались провалы. Будто кто-то вырезал из моей жизни целые куски. Я попытался вспомнить последние дни перед больницей. Ничего. Только смутное ощущение, что я долго спал. Эй, Дима, окликнул меня сосед. Я повернулся. Что? Ты чего такой задумчивый? Да так. Думаю, как домой отсюда попасть. Все домой хотят, усмехнулся он. А ты давно здесь? Да я сам не знаю. Тогда привыкай. Тут главное с врачами не спорить. Я кивнул. Вскоре принесли обед. Я поел, после чего лёг на кровать. Усталость навалилась неожиданно сильно. В этот момент за дверью послышались шаги. Дима, на беседу к доктору! Кажется, в этой больнице происходило что-то гораздо более странное, чем я мог себе представить. После беседы с врачом я пришел в палату и уснул.

Глава 15

Проснулся я с совершенно чётким ощущением, что снова оказался в теле моего реципиента. Так, Дима, спокойно. Никаких быстрых решений. Ты псих, и с этим пока придётся смириться. Я даже усмехнулся собственной мысли. Интересно получается: ещё недавно я пытался доказать всем, что здоров, а теперь сам решил изображать тихого сумасшедшего. Жизнь, однако, умеет шутить. Я поднялся, умылся и отправился на завтрак. В столовой уже сидели мои новые знакомые. Ну что ж, раз уж судьба занесла меня в такое заведение, придётся освоиться. Я взял кашу, чай и сел за свободное место. Димон, садись сюда! позвал меня мужчина с соседнего стола. Я подсел к нему. Как спалось? Нормально. А мне опять всю ночь снились самолёты. Представляешь, я вчера в Африку летал! Хорошо слетал? Великолепно! Только билет потерял. Я улыбнулся и продолжил завтракать. Постепенно я понял, что лучше всего здесь не выделяться. Не спорить, не доказывать, не задавать лишних вопросов. Просто жить по распорядку отделения и быть одним из многих. После завтрака меня снова вызвали к доктору. Ну здравствуй, Дима. Как настроение? Нормально. Спал хорошо? Да. Доктор открыл мою карту. Давай проверим. Ты помнишь, какое сегодня число? Я посмотрел на него, затем перевёл взгляд на окно. Не знаю. Совсем не помнишь? Я пожал плечами. Нет. Доктор немного подождал, словно рассчитывая, что я всё-таки назову дату. А какой сейчас месяц? Не знаю. Декабрь, наверное. Он сделал несколько записей. Хорошо. А ты помнишь, зачем приехал в Москву? Учиться хотел. А сейчас хочешь учиться? Я задумался. Не знаю. Наверное. Доктор ещё немного поговорил со мной, задавая обычные вопросы. Я отвечал коротко, без лишних рассуждений и не пытался продемонстрировать свои знания. Кажется, это сработало. Впервые за всё время он не пытался меня удивить, не задавал вопросов о физике и не проверял мои познания. Я перестал быть для него интересной загадкой. Ну что ж, Дима, на сегодня достаточно. Иди отдыхай. Я поднялся и вышел из кабинета. Вот так-то лучше. Теперь оставалось дождаться, когда врач окончательно потеряет ко мне интерес. А там, возможно, появится шанс вернуться к нормальной жизни. Правда, я прекрасно понимал одну вещь: мой второй жилец тоже должен был как-то справиться с этой ситуацией. И, судя по всему, теперь он был предоставлен самому себе. Я вернулся в палату, лёг на кровать и посмотрел в потолок. Две личности. Одно тело. Две совершенно разные жизни. И самое удивительное ни один из нас пока не знал, как долго продлится эта история. И тут меня посетила мысль, от которой стало по-настоящему неуютно. А ведь самое страшное даже не то, что меня могут долго держать в психиатрической больнице. Самое страшное если меня выпишут отсюда в сознании настоящего хозяина этого тела. Я сел на кровати и задумался. Представим: просыпается мой второй жилец, врач объявляет ему, что лечение закончено, и отправляет домой. А куда он поедет? Скорее всего, в Ульяновск. Или, может быть, в Куйбышев, к родителям. Стоп! У него ведь наверняка есть родители! Я даже не знаю, как их зовут, где они живут, чем занимаются и какие у нас с ними отношения. А если они встретят меня, начнут расспрашивать о заводе, знакомых, родственниках? Что я им отвечу? Здравствуйте, я ваш сын, только немного другой человек? Да меня обратно сюда привезут быстрее, чем я успею чай выпить! Я невольно усмехнулся, но настро-

ение было совсем не весёлым. Получалось, что выписка сама по себе ещё ничего не решала. Нужно было думать о том, кто именно окажется за рулём нашего общего тела в этот момент. И тут я увидел другую сторону ситуации. А что, если из больницы выпишут именно настоящего Диму? Того, который неожиданно оказался в Москве, в МЭИ и теперь, после пережитого, просто хочет вернуться к нормальной жизни? В таком случае это даже хорошо. Он поедет к своим родителям, вернётся в привычную обстановку, а я, когда снова получу управление телом, смогу продолжить свою жизнь в Москве. У меня хотя бы появится возможность не объяснять незнакомым людям, почему я не помню их семейных историй. Но тут возникал ещё один вопрос. А что, если родители решат оставить меня у себя? Начнут лечить, заботиться, искать работу на заводе? Ведь для них я буду их сыном, и никто не станет слушать рассказы о двух сознаниях. Я потёр виски. Нет, нужно было как-то подготовиться. Впервые за всё время я понял, что мои проблемы не заканчиваются выходом из психиатрической больницы. По сути, мне предстояло познакомиться с целой чужой жизнью: с родителями, родственниками, друзьями, заводскими товарищами. И, возможно, именно это окажется самым сложным испытанием. Я посмотрел на дверь палаты. Дима, ты идёшь на прогулку? позвал санитар. Иду. Я поднялся и пошёл за ним. Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. Пока главное не привлекать внимания врачей и дождаться выписки. А там придётся учиться жить не только в чужом времени, но и в чужой семье.

Глава 16

Я проснулся от незнакомого запаха. Несколько секунд лежал с закрытыми глазами, пытаясь понять, где нахожусь. Потом осторожно огляделся. Дом. Не больничная палата, не казённые стены, не запах лекарств. Обычная комната, кровать, шкаф, занавески на окне. Ура! Меня выпустили! Я снова джин из бутылки! Но радоваться раньше времени не стоило. Судя по всему, теперь предстояло познакомиться с семьёй моего реципиента.

Я поднялся с кровати и огляделся. Комната была обставлена довольно скромно. На стене висел календарь, возле шкафа стоял небольшой письменный стол, на котором лежали книги и какие-то бумаги. О, Димочка проснулся! Я обернулся. В дверях стояла женщина средних лет. Как дела, сынок? Хорошо спал? Вот так встреча. Мама Димы! Да, нормально, ответил я, стараясь улыбаться естественно. Женщина подошла ближе, внимательно посмотрела на меня и вдруг нахмурилась. Димочка, ты чего такой? А что такое? Опять у тебя приступ? Я почувствовал, как внутри всё похолодело. Нет, мама, всё в порядке. Просто не выспался. Господи, опять... тихо произнесла она. Она попыталась улыбнуться, но тревога с лица никуда не исчезла. И тут я понял, что материнское сердце штука куда более опасная, чем врачебный осмотр. Доктор задаёт вопросы, проверяет знания, делает записи. А мать достаточно одного взгляда, чтобы почувствовать, что с сыном что-то не так. Пойдём, Димочка, завтракать. Я тебе кашу приготовила. Хорошо, мам. Я последовал за ней. На кухне пахло свежим хлебом и чем-то жареным. На столе стояли тарелки, чайник и небольшая миска с вареньем. А где папа? спросил я, садясь за стол. Женщина замерла с чайником в руках и испуганно посмотрела на меня. Вот чёрт! Кажется, я опять сказал что-то не то. Мама, я просто спросил, поспешил добавить я. Папа на работе, Дима. Ты же знаешь... Конечно, ответил я и решил больше не задавать вопросов. Разговор явно не клеился. Теперь картина постепенно складывалась. Настоящего Диму выписали из психиатрической больницы и привезли домой. Для матери он был обычным сыном, который пережил тяжёлый период и нуждался в заботе. А потом в его сознание снова вернулся я. И вот теперь перед несчастной женщиной сидел её сын, который вроде бы выглядел нормально, но совершенно не помнил привычных семейных обстоятельств. Получалось, я стал воплощением ненормального Димы. Вот так задачка! Я осторожно попробовал кашу. Вкусно, между прочим. Мама присела напротив и продолжала наблюдать за мной. Димочка, ты только не переживай. Доктор сказал, что тебе нужно побольше отдыхать. Никаких волнений, никаких нагрузок. Понял? Понял, мам. И учёбу пока не будем трогать. Поправишься, тогда и решим.

Я едва не поперхнулся. Вот оно что! Значит, МЭИ пока откладывается. Но спорить я не стал. Наоборот, решил проявить благоразумие. Мама не доктор, её вполне можно обмануть. Нужно только немного освоиться, узнать семейные порядки и перестать удивлять её своими вопросами. В конце концов, я уже справлялся с более сложными ситуациями. Я посмотрел на женщину и улыбнулся: Мам, не волнуйся. Всё будет хорошо. Она впервые за утро улыбнулась в ответ и накрыла мою руку своей. Дай бог, сынок. Дай бог. И тут я неожиданно почувствовал лёгкую неловкость. Ведь она действительно любила своего сына. И совершенно не подозревала, что сейчас с ней разговаривает кто-то другой. Кажется, мне предстояло не просто освоиться в чужой семье. Мне предстояло научиться быть сыном этой женщины. Я уже допивал чай, когда мама вдруг засуетилась. Димочка, ты посиди пока, я сейчас. Куда ты? Скоро вернусь. Она вышла в коридор, а я пожал плечами и продолжил завтракать. Минут через десять входная дверь открылась, и я услышал мужские голоса.

Глава 17

Проходите, батюшка. Вот сюда. Я поднял голову и чуть не поперхнулся чаем. В кухню вошёл мужчина в чёрной рясе, с бородой и большим крестом на груди. За ним шла мама, заметно волнуясь. Ну всё. Кажется, началось. Здравствуй, чадо, произнёс священник. Здравствуйте, осторожно ответил я. Он внимательно посмотрел на меня, затем на маму. Это Дмитрий? Да, батюшка. Мой сын. После больницы вроде бы поправился, но я чувствую, что с ним что-то не так. Он смотрит на меня как чужой. Даже отца вчера не узнал. Я опустил глаза. Вот тебе и завтрак. Теперь ещё и духовное обследование. Не бойся, сын мой, обратился ко мне священник. Мы помолимся, Господь поможет. Хорошо, ответил я. Мама перекрестилась. Священник достал небольшой крест, открыл молитвослов и начал читать молитву. Затем подошёл ко мне и предложил встать. Встань, чадо. Я послушно поднялся. Он начал читать громче, периодически осеняя меня крестным знамением. Я стоял и думал о происходящем. Вот ведь ситуация! Я, человек из другого времени, попал в тело парня 1981 года, оказался в психиатрической больнице, а теперь меня ещё и от бесов собираются освобождать. Интересно, что будет дальше? Священник остановился и внимательно посмотрел мне в глаза. Скажи, сын мой, беспокоит ли тебя что-нибудь? Слышишь ли ты голоса? Бывают ли у тебя странные мысли? Я посмотрел на него. Батюшка, мысли у меня действительно бывают странные. Мама испуганно охнула. Вот! Я же говорила! Священник поднял руку, призывая её успокоиться. Не торопись, матушка. Дай ему ответить. Какие именно мысли? Я вздохнул. Например, я иногда просыпаюсь и не понимаю, где нахожусь. А ещё у меня такое ощущение, будто я живу не совсем своей жизнью. Священник задумался. Человек порой переживает тяжёлые испытания. Но не всякая болезнь означает бесовское влияние. За тебя нужно молиться, а лечиться следует продолжать у врачей. Вот это уже было разумно. Мама, однако, выглядела разочарованной. Видимо, ожидала, что батюшка сейчас произнесёт особую молитву, после которой я снова стану прежним Димой. Батюшка, а вы можете его окропить святой водой? спросила она. Конечно, матушка. Он достал небольшую бутылочку и окропил комнату, затем меня. Я стоял смирно. Ну что, Дима? спросил он. Легче стало? Я посмотрел на него и совершенно искренне ответил: Знаете, батюшка, пить хочется. Священник неожиданно улыбнулся. Вот видишь, матушка, аппетит и жажда у него имеются. Давайте не будем торопиться с выводами. Мама вздохнула. А я подумал, что, пожалуй, этот священник оказался самым разумным человеком из всех, кого я встретил за последнее время. Хотя проблема оставалась. Как объяснить матери, что её сын не болен бесами, но и прежним собой я тоже не являюсь? Батюшка не стал спорить с матерью. Он спокойно достал из небольшой сумки молитвослов, небольшой крест и бутылочку со святой водой. Ну что ж, матушка, раз вы просите, совершим молитву об избавлении от всякого зла. Только помните: главное вера и спокойствие. Не надо кричать, пугать его или удерживать силой. Мать торопливо закивала. Конечно, батюшка. Я только хочу, чтобы мой мальчик стал прежним. Я невольно поморщился. Вот уж не знаю, каким был прежний Дима, но, судя по

всему, мать очень хотела его вернуть. Священник попросил меня встать посреди комнаты. Димочка, поднимись, пожалуйста. И не бойся. Мы сейчас помолимся. Я послушно поднялся. Спорить не хотелось. В конце концов, если для матери это важно, пусть будет так. Хуже от молитвы точно не станет. Батюшка начал читать молитвы. Голос у него был негромкий, размеренный. Он несколько раз перекрестил меня, затем взял бутылочку со святой водой и окропил мне голову, грудь и плечи. Господи, избави раба Твоего Дмитрия от всякого зла, от страха, смятения и всякого наваждения. Даруй ему здравие душевное и телесное… Мать стояла у двери, сложив руки на груди. Она то смотрела на меня, то на священника. По её лицу было видно, как сильно она переживает. Я стоял с закрытыми глазами и слушал молитвы. Вода стекала по волосам за воротник рубашки. Честно говоря, ощущения были довольно странные. Ещё недавно я находился в больнице, где меня изучали врачи, а теперь надо мной читали молитвы, пытаясь изгнать неведомого беса. Священник продолжал читать. Иногда он останавливался, осенял меня крестным знамением и снова окроплял святой водой. Отрекаешься ли ты от всякого зла? спросил он, закончив очередную молитву. Я открыл глаза. Конечно, батюшка. Если оно мне не мешает жить, то я вообще предпочитаю с ним не связываться. Он на мгновение замер, а потом посмотрел на меня с лёгкой улыбкой. Хорошо отвечаешь, чадо. Но сейчас просто помолчим немного. Обряд продолжился. Батюшка прочитал ещё несколько молитв, после чего положил руку мне на голову и тихо произнёс заключительные слова. Затем перекрестил меня и окропил святой водой в последний раз. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Аминь, негромко повторила мать. Я тоже перекрестился, стараясь делать всё правильно. В детстве меня этому учили, так что руки сами вспомнили привычное движение. Священник убрал молитвослов и посмотрел на меня. Ну как, Дмитрий? Что-нибудь чувствуешь? Мокрый, батюшка, честно ответил я. И немного замёрз. Мать укоризненно посмотрела на меня: Дима! А что? Я же не говорю, что обряд не помог. Может, теперь ещё чаю выпить? Священник тихо усмехнулся. Чай ему, матушка, не повредит. А вот тебе, Дмитрий, советую побольше отдыхать. Не перенапрягайся, слушай мать и обязательно продолжай наблюдаться у врачей. Молитва и лечение не противоречат друг другу. Хорошо, батюшка. Он благословил меня, попрощался с матерью и направился к выходу.

Глава 18

Мать пошла проводить его, а я остался посреди комнаты, чувствуя, как холодная вода стекает за шиворот. Через несколько минут она вернулась. Ну что, сынок? Полегчало? Мам, а можно я сначала переоденусь? А то простыну. Она посмотрела на меня так, словно ожидала совсем другого ответа. Конечно, Димочка. Сейчас принесу тебе сухую рубашку. Я сел на кровать и выдохнул. Обряд очищения от беса, значит. Что ж, пусть будет так. Если матери от этого спокойнее, я не стану ей мешать. Но одна мысль не давала мне покоя: если она так сильно боится за меня, значит, прежний Дима действительно вёл себя нормально. И мне предстояло выяснить, что именно произошло с ним до моего появления. Теперь мне предстояло наладить связь с тем Димой. С настоящим хозяином этого тела. И другого способа, кроме как оставить ему послание, я пока не придумал. Я достал толстую тетрадь, купленную ещё несколько дней назад, сел за стол и открыл первую страницу. Некоторое время смотрел на чистый лист, подбирая слова. Как объяснить человеку, что в его теле живёт кто-то ещё? Да ещё и так, чтобы он не решил, будто окончательно сошёл с ума? Наконец я взял ручку и начал писать. «Здравствуй, Дима! Это пишет тебе твой двойник. Да, я нахожусь в твоём теле. Извини меня, если сможешь. Поверь, я не хотел отнимать у тебя жизнь и уж точно не собирался причинять тебе неприятности. Но мне тоже нелегко. Я проживаю часть твоей жизни без твоего разрешения. Пользуюсь твоим телом, общаюсь с твоими родными, принимаю решения, о которых ты даже не знаешь. Понимаю, как это должно выглядеть с твоей стороны. Но мы должны как-то договориться. Мы не можем бесконечно существовать в таком положении, ничего не зная друг о друге. Поэтому я решил вести дневник. Здесь я буду записывать события, которые происходят

со мной, пока я нахожусь в твоём теле. Буду указывать даты, места, людей, с которыми знакомлюсь, и всё, что может быть тебе полезно. Не знаю, когда ты прочитаешь эти записи. Может быть, уже завтра. Может, через месяц. Но очень надеюсь, что ты поймёшь: я не твой враг. Давай попробуем разобраться во всём вместе. Твой двойник». Я перечитал написанное. Получилось немного пафосно, но зато честно. Ниже добавил дату и коротко описал последние события: больницу, возвращение домой, разговоры с матерью, приход священника и сегодняшний обряд очищения. Подробности тоже записал. Даже то, как мать смотрела на меня, когда батюшка окроплял святой водой. Потом закрыл тетрадь. Ну вот, Дима. Теперь твоя очередь, пробормотал я. Перед сном положил дневник под подушку. Не знаю почему, но мне казалось, что так он точно не потеряется. А может, просто хотелось, чтобы он оказался поближе к тому, кому предназначался. Я долго ворочался, прислушиваясь к звукам дома. Где-то за стеной разговаривали родители, на кухне звякнула посуда. Постепенно мысли стали путаться, и я уснул.

Глава 19

Проснулся я с удивительным ощущением, что наконец-то дома. За окном было светло. В комнату проникал свежий воздух, а с улицы доносились голоса прохожих. Я потянулся, зевнул и улыбнулся. Зима. Я сел на кровати и огляделся. Знакомая комната, знакомая мебель. Всё-таки хорошо, что родители забрали меня из психушки. Да, всё сложилось совсем нехорошо. Работа потеряна, учёба тоже. Теперь ещё и слава психа. Наверняка на заводе уже успели обсудить мою историю, а в институте, если меня вообще там ещё числят, тоже не станут ждать. Но что поделаешь? С этим тоже живут. Я медленно поднялся, собираясь умыться, и тут заметил на подушке толстую тетрадь. Странно. Я ведь её не оставлял. По крайней мере, не помнил, чтобы у меня была такая тетрадка. Взял её в руки. На обложке ничего не было. Просто обычная школьная тетрадь в плотной обложке. Открыл первую страницу и замер. Почерк… Мой! Я провёл пальцем по строчкам, будто надеялся, что ошибся. Но нет. Буквы, наклон, даже характерные завитушки всё было моё. Я начал читать. «Здравствуй, Дима! Это пишет тебе твой двойник…» Я перечитал первую строчку. Потом вторую. Потом ещё раз вернулся к началу. Какой ещё двойник? прошептал я. Сердце почему-то забилось быстрее. Я перевернул страницу. Там стояла дата, а дальше шло описание событий, которых я совершенно не помнил. Больница, врачи, разговоры с мамой, священник… Я медленно опустился на кровать. Значит, это не бред? Не сон? Кто-то действительно живёт моей жизнью, пока меня нет? Я снова посмотрел на первую страницу. «Я нахожусь в твоём теле». По спине пробежал холодок. Так… произнёс я вслух. Значит, ты всё-таки существуешь и это не фантастика. Я посмотрел на закрытую дверь комнаты. Родители были где-то в доме. Хотелось немедленно позвать маму и показать ей находку, но я почему-то не стал этого делать. Если она увидит дневник, то решит, что я опять заболел. А ведь впервые за долгое время у меня появилось объяснение тому, что со мной происходит. Я снова открыл тетрадь и принялся читать дальше. Чем больше страниц переворачивал, тем сильнее менялось моё настроение. Незнакомец знал мою жизнь. Знал, где я был, что со мной происходило, даже описывал разговоры с родителями. И самое неприятное он писал так, словно действительно переживал за меня. Дойдя до последней заполненной страницы, я остановился. Внизу было несколько свободных строк. Я долго смотрел на них, потом взял лежавшую на столе ручку. Наконец написал: «Здравствуй, двойник. Я прочитал всё. Теперь объясни мне, кто ты такой и откуда взялся». Поставил дату, закрыл тетрадь и положил её на стол. Впервые за последние месяцы я не чувствовал себя совершенно одиноким в этой странной истории. Но вопросов стало гораздо больше. И, кажется, теперь у меня появился собеседник. Я ещё некоторое время сидел над тетрадью, поглядывая на последнюю запись. Рука так и тянулась написать ещё что-нибудь, но я не знал, что именно. Кто он такой? Откуда взялся? Почему оказался в моём теле? И главное надолго ли? Я решил пока не забивать голову вопросами. Если этот двойник действительно существует, то рано или поздно он мне ответит. Спрятал тетрадь в ящик стола и отправился умываться. В ванной долго рассматривал себя в зеркале. Лицо

вроде моё, руки мои, голос мой. А ощущение такое, будто я стал гостем в собственной жизни. Дима! Завтракать будешь? раздался голос матери из кухни. Буду, мам! Я вышел из ванной и направился на кухню. Мать уже накрывала на стол. На плите стояла кастрюля, рядом лежала нарезанная колбаса и хлеб. Ну как ты сегодня? спросила она, внимательно посмотрев на меня. Нормально. Даже хорошо. Вот и слава богу. А то я уж не знала, что с тобой делать. Вчера вроде спокойный был, а сегодня опять какой-то задумчивый. После завтрака я вернулся в комнату, достал дневник и перечитал собственную запись. Потом добавил ещё одну: «Сегодня поговорил с матерью. Она говорит, что после возвращения из Москвы я был не в себе. Подробностей пока не знаю. Хочу разобраться, что произошло до больницы». Положил ручку и задумался. А ведь если этот человек действительно живёт в моём теле, то он знает гораздо больше меня. Возможно, он даже сможет объяснить, почему я оказался в больнице и что случилось с моей учёбой. Я снова открыл первую страницу и написал ниже: «Я не знаю, кто ты и почему оказался здесь. Но если ты действительно хочешь договориться, расскажи мне всё. Только не ври. Мне и без того хватает неизвестности». Закрыл тетрадь и положил её под подушку. Весь день прошёл в ожидании. Я то выходил на кухню, то возвращался в комнату, то бездумно смотрел в окно. Несколько раз подходил к ящику стола, проверяя, на месте ли дневник. К вечеру вернулся отец. Ну что, сын? Как самочувствие? спросил он, заглянув ко мне. Нормально, пап. Он внимательно посмотрел на меня, затем присел на край кровати. Мать говорит, ты расспрашивал про Москву. Да. Хотел понять, что произошло. Отец тяжело вздохнул. Дима, ты не переживай. С работой разберёмся. И с учёбой тоже. Главное, чтобы ты поправился. Не нужно сейчас пытаться всё сразу вернуть. А в институте меня ещё ждут? Это мы узнаем. Только не сегодня. Он похлопал меня по плечу и вышел. Я остался один. В доме постепенно стихли голоса, за окном стемнело. Я лёг, но сон не шёл. Всё думал о дневнике и о том, что утром, возможно, найду там ответ. А когда я снова открыл глаза, первым делом потянулся к тетради.

Глава 20

Я проснулся и первым делом понял, что снова нахожусь в этом теле. Не знаю, как это определить, но ощущение было уже знакомым. Я резко сел на кровати и схватил тетрадь, лежавшую под подушкой. Открыл последнюю страницу. Есть! Я едва не подпрыгнул от радости. Дима прочитал мои записи. Более того, ответил! И, судя по всему, парень оказался вполне адекватным. Не побежал к матери, не стал звать врачей и, самое главное, не отправился прямиком в психушку. Значит, жизнь потихоньку налаживается. Я перечитал его вопросы. Особенно понравилось последнее: он не собирается быть пассажиром в собственном теле. Что ж, вполне справедливо. Я бы на его месте тоже не обрадовался, узнав, что какой-то незнакомец распоряжается моей жизнью. Ну, Димон, будем знакомиться, пробормотал я. Я посмотрел на дату предыдущей записи, затем на сегодняшнюю. Прошло меньше недели. Получалось, что смена сознаний происходила без какой-либо понятной закономерности. Никаких чётких интервалов, никакой периодичности. Я мог провести в теле несколько дней, а потом проснуться уже в другом времени, точнее, в другом состоянии. И тут я вспомнил один фильм. «Пятьдесят первых поцелуев». Там героиня каждое утро забывала события предыдущего дня, и главному герою приходилось заново завоёвывать её доверие. Забавная романтическая комедия, если смотреть со стороны. Но если представить, что подобное происходит с тобой, уже не так смешно. В нашем случае всё было ещё интереснее. Мы не забывали друг друга окончательно, а могли оставлять сообщения. Значит, дневник становился единственной ниточкой, связывающей нас. Я задумался и принялся писать: «Дима, привет! Ну вот, кажется, у нас появился контакт. Рад, что ты не испугался моих записей и не побежал рассказывать обо всём врачам. Я понимаю, что тебе непросто принять такую ситуацию. Я тоже не в восторге от происходящего, но раз уж мы оказались в одном теле, придётся искать общий язык. Кстати, я тут подумал об одном фильме "Пятьдесят первых поцелуев". Там человек каждое утро начинал знакомство заново.

У нас, похоже, своя версия этой истории. Только вместо забывчивости у нас периодическая смена сознания.

Я пока не понимаю, по какому принципу это происходит. Даты записываю, но закономерности не вижу. Поэтому предлагаю вести дневник как можно подробнее. Каждый раз указывай дату, когда проснулся, и дату, когда снова потерял управление телом, если сможешь её определить. И ещё. Не переживай насчёт будущего. Я расскажу тебе о нём, но постепенно. Не хочу сразу сваливать на тебя всё, что знаю. Давай начнём с простого: расскажи мне о себе. О семье, работе, учёбе, друзьях. Я должен понять, чью жизнь проживаю, а ты должен знать, кто именно оказался рядом с тобой». Я остановился, перечитал написанное и добавил внизу: «И да, я не собираюсь тебя вытеснять. Мне самому хочется разобраться, как вернуть нам обоим нормальную жизнь». Поставил дату и закрыл тетрадь. Теперь оставалось ждать следующего пробуждения. Но одна мысль всё-таки не давала мне покоя. Если мы можем общаться через дневник, значит, у нас есть шанс договориться. А если однажды один из нас проснётся и обнаружит, что другой исчез навсегда? Я отогнал эту мысль. Не время думать о плохом. Для начала надо было наладить отношения с человеком, в чьём теле я жил. И, судя по всему, первый шаг уже сделан. Я долго сидел, глядя в потолок, и пытался привести мысли в порядок. С одной стороны, я был готов действовать. Более того, меня буквально распирало от желания наконец-то заняться чем-то полезным. Но была одна проблема настоящий Дима. Да, именно тот самый Дима, в теле которого я теперь находился. Парень, судя по всему, был неплохой. Только вот слабохарактерный, неопытный, не слишком самостоятельный. Из тех, кого жизнь обычно не балует, а обстоятельства таскают за собой, словно щепку по течению. И что мне с ним делать? В конце концов, это его тело. Его родители, его документы, его знакомые, его будущее. Я могу сколько угодно пользоваться его руками и ногами, но если однажды он вернётся в сознание и обнаружит, что я превратил его жизнь в черт знает что, благодарности от него ждать не приходится. Нет, так дело не пойдёт. Нужно дать парню шанс. Причём не просто шанс выжить, а возможность стать нормальным человеком. Но была ещё одна мысль. 1981 год. Я начал прокручивать в голове события того времени. Что происходило в стране? Какие возможности открывались? Какие товары были дефицитными? Какие предприятия только начинали развиваться? Где можно было заработать, не имея связей и большого стартового капитала? СССР, конечно, не капиталистический рай. Просто взять и открыть магазин я не мог. Да и с валютой всё было непросто. Я усмехнулся. Так, старичок, спокойно. Не надо сразу строить империю. Нужно было начать с малого. Я посмотрел на тетрадь. Ладно, дружище. Давай договоримся. Я не буду отнимать у тебя жизнь. Я постараюсь сделать так, чтобы, когда ты окончательно вернёшься, тебе было за что меня поблагодарить. И тут мне пришла в голову ещё одна мысль. Возможно, самым ценным моим преимуществом были даже не знания будущего. А возможность подготовить обычного советского парня к миру, который через несколько лет начнёт стремительно меняться. Только вот для начала следовало разобраться с настоящим. Впервые за всё это время у меня появился не просто план на следующий день, а перспектива на несколько лет вперёд.

Глава 21

Я вышел из комнаты и остановился как вкопанный. Ёлка. В углу гостиной стояла наряженная ёлка, пахло хвоей, мандаринами и чем-то сладким. На ветках поблёскивали стеклянные игрушки, а под ней лежала пара коробок с подарками. Вот она, ёлочка… пробормотал я. И тут меня словно током ударило. 30 декабря! Я резко вернулся в комнату и схватил календарь. Перепроверил число, 28 потом ещё раз. Да ладно! Неужели оно самое? В памяти всплыло дело Ирины Бугримовой. Ограбление, о котором я знал из истории. Если память меня не подводила, я оказался здесь буквально накануне событий, которые могли дать мне совершенно неожиданное преимущество. Вот только требовалось действовать быстро. Я принялся ходить по комнате, обдумывая варианты. Времени на долгие размышления не было. Если я правильно помнил обстоятельства, Москва сейчас была именно тем местом, где мне следовало оказаться.

Но сначала деньги. Дождавшись, когда мама соберётся в магазин и выйдет из дома, я принялся осторожно обследовать шкафы. Искал не свои вещи, а родительские заначки. В конце концов обнаружил несколько конвертов и свёрток с купюрами. Пересчитал. Около двадцати рублей. Не богато, но на первое время хватит. Я почувствовал себя последним негодяем. Всё-таки это были родительские деньги. Однако другого выхода пока не видел. В голове уже складывался план, и останавливаться на полпути я не собирался. Сел за стол и написал записку: «Мама, папа! Не волнуйтесь. Я поехал в Москву, в институт. Хочу кое-что решить самостоятельно. После Нового года приеду и всё объясню. Со мной всё будет хорошо. Дима». Перечитал. Слишком мало объяснений, но больше писать было опасно. Чем длиннее записка, тем больше вопросов. Собрал вещи. Чемодан, сумка, документы, тетрадь. Проверил карманы и ещё раз пересчитал деньги. Через несколько минут я уже стоял на дороге, пытаясь поймать попутку до ближайшей станции. 29 декабря я был в Москве. Железнодорожный вокзал встретил меня привычной для тех лет суматохой. Люди с авоськами, чемоданами, огромными хозяйственными сумками. Кто-то торопился к поезду, кто-то встречал родственников, кто-то ругался с носильщиком. Я растворился в этой толпе. И это было прекрасно. Никому не было дела до худощавого парня с чемоданом. Я сдал багаж в камеру хранения, оставив при себе документы, деньги и небольшую сумку. Теперь предстояло самое интересное. Москва. Настоящая Москва 1981 года. Я вышел на улицу, вдохнул морозный воздух и поймал себя на странном ощущении. Будто приехал не в другой город, а в совершенно другую эпоху. Машины, вывески, одежда прохожих всё было знакомым по старым фотографиям, но совершенно непривычным вживую. Мне нужен был конкретный адрес. Дом на Котельнической набережной. Я остановился возле остановки и посмотрел на проходившие автобусы. В голове уже прокручивалась история Ирины Бугримовой. Если я не ошибался, именно сейчас у меня появился шанс оказаться в нужном месте в нужное время. Но я должен был быть осторожен. Одно дело знать о событии из будущего, и совсем другое вмешаться в него, не имея ни связей, ни денег, ни даже толкового объяснения, почему обычный студент интересуется чужой квартирой. Я нашёл нужный маршрут и сел в автобус. За окном проплывала зимняя Москва. Ну что, Дима, тихо сказал я себе, посмотрим, насколько хорошо ты помнишь историю. И впервые за всё время я почувствовал не страх, а азарт. Правда, оставался один вопрос: что именно я собирался получить от этой истории и какую цену придётся за это заплатить? Я подошёл к дому на Котельнической набережной и остановился напротив, стараясь ничем не выделяться. Вот он. Знаменитая высотка. Огромное здание, которое я раньше видел сотни раз на фотографиях и в кино. Теперь я стоял перед ним лично, в декабре 1981 года. И, надо сказать, восторга у меня было немного. Я прекрасно понимал одну вещь: я не супермен. Не бывший сотрудник спецназа, не профессиональный сыщик и даже не человек, который умеет драться. Я обычный парень, которому случайно достались знания о будущем. Причём знания весьма ограниченные. Я знал дату и приблизительное время. И всё. Поэтому решил не изображать из себя героя боевика. Весь день я потратил на изучение окрестностей. Обошёл дворы, посмотрел на подъезды, изучил расположение ближайших остановок. Записывал в тетрадь номера автомобилей, которые попадались на глаза, отмечал, когда они появлялись и исчезали. Смотрел, где находятся стоянки такси, какие автобусы ходят, насколько оживлённы улицы вечером. Всё это напоминало мне подготовку к какой-то странной экскурсии. Только экскурсоводом был я сам, а экскурсия обещала закончиться весьма неприятно.

Глава 22

К вечеру я вернулся на вокзал. Уже было тридцатое декабря. Забрал чемодан из камеры хранения. Затем, немного подумав, оформил ещё две свободные ячейки. Не знал, понадобятся ли они, но предпочитал иметь запасной вариант. После этого отправился в сторону строительной площадки, которую приметил ещё днём. На стройке было тихо. Рабочих почти не осталось, техника стояла без движения. Я заметил сложенные металлические прутья арматуры и заду-

мался. В итоге положил отрезок арматуры завернув его в тряпку в чемодан. Отлично, пробормотал я. Теперь я похож не на путешественника, а на человека прибывшего с командировки. Я снова проверил время. Уже темнело. Москва постепенно погружалась в предновогоднюю суету. В окнах зажигался свет, люди торопились домой, кто-то нёс ёлку, кто-то пакеты с продуктами. А я возвращался к высотке. С каждым шагом настроение становилось всё хуже. В теории всё выглядело просто: я знаю, что должно произойти, знаю место и примерное время. Но теория не учитывает, что в реальности могут быть случайные прохожие, милиция, охрана, свидетели и множество обстоятельств, о которых я ничего не знаю. Я остановился в стороне и посмотрел на здание. В окнах горел свет. Ну и что теперь? спросил я самого себя. Ответа не было. Самое неприятное заключалось в том, что я уже зашёл слишком далеко, чтобы просто развернуться и уехать. Но и бросаться в неизвестность не собирался. Я ведь приехал сюда не ради того, чтобы самому стать очередной жертвой. В этот момент где-то неподалёку хлопнула автомобильная дверь. Я невольно обернулся. Вечер только начинался. И теперь мне предстояло выяснить, насколько мои воспоминания о событиях 1981 года соответствуют действительности. Ну вот и сложился пазл . Подъехала волга и из нее вышли два молодых человека с тортом и елкой. Все совпадало и время и ситуация. Но наличие водителя в машине меня смущало. Я решил действовать иначе. Их транспорт стоял «Волга». Водитель, мужчина лет сорока, сидел за рулём и, судя по всему, собирался ждал подельников. Я быстро подхватил чемодан и направился к нему. Мужчина! До вокзала не подбросите? Очень нужно! Он даже не повернул головы. Я занят, сурово бросил он. Да мне недолго! Я поставил чемодан на капот и вытащил свою дубину. Мужчина раздражённо посмотрел на меня, явно собираясь продолжить разговор в нелестном тоне. Всё произошло слишком быстро. Я воспользовался моментом, и когда он выскочил из машины. Я без замаха ударил его своим оружием. Ну а что я псих меня не посадят. Вот теперь я действительно осознал, во что ввязался. Господи, Дима, ну и приключение ты себе устроил…Я оттащил мужчину на заднее сиденье, забрал верхнюю одежду и переоделся. Самого водителя оставил связанным в салоне. Теперь оставалось только ждать. Минуты тянулись бесконечно. Я сидел за рулём, поглядывая на часы и периодически проверяя улицу. В голове крутилась одна мысль: если мои воспоминания верны, скоро должны появиться люди, которых я ждал. И вот наконец я заметил двух парней с коробками. Они торопливо направились к машине. Я вышел, открыл багажник и устроился за рулём, стараясь выглядеть так, словно всё происходящее совершенно обычно. Парни быстро сложили коробки внутрь. Один из них даже не посмотрел на меня, второй на мгновение задержал взгляд, словно хотел что-то спросить. Но я уже тронул машину. В зеркале заднего вида я увидел, как они остались стоять на тротуаре. Один что-то крикнул вслед. Я не разобрал слов. «Волга» скрылась за поворотом. И только тогда я понял, что у меня дрожат руки. Я посмотрел на пассажирское сиденье, затем на коробки в багажнике. Ну здравствуй, 1981-й… Я только что перешёл черту, после которой моя прежняя жизнь уже не могла оставаться прежней. И самое страшное заключалось в том, что я пока даже не знал, что именно находится в этих коробках и насколько далеко теперь придётся зайти, чтобы выбраться из этой истории. Я добрался до вокзала уже глубокой ночью. Первым делом занялся багажом. Часть вещей оставил в камере хранения, затем перебрался на стоянку другого вокзала и спрятал там остальное. Мне совершенно не хотелось, чтобы все следы вели в одно место. После этого пришлось ещё немного поездить на «Волге». Я отогнал её подальше от вокзалов и оставил там, где она не бросалась в глаза. На этом мои приключения в Москве пока закончились. 31 декабря я уже был дома.

Глава 23

Открыл дверь своим ключом и едва успел снять обувь, как из кухни вышла мама. Димочка! Она буквально бросилась ко мне. Ну куда же ты уехал? Я так перепугалась! Ни звонка, ничего! Ты хоть понимаешь, что я себе за эти дни на придумывала? Мам, всё хорошо, я постарался говорить как можно спокойнее. Не переживай. Съездил по делам, пришлось

немного задержаться. По каким ещё делам? она внимательно посмотрела на меня. Да так, институт, кое-какие вопросы. Мама вдруг нахмурилась и приложила ладонь к моему лбу. Ой, господи… Ты снова сам не свой. Я на секунду замер. Вот ведь наблюдательная женщина! Не зря я заметил, что она уже привыкла к странностям своего сына. Мам, это я, улыбнулся я, обнял её и поцеловал в щёку. Твой Димочка. Всё хорошо. Что-то я тебя совсем не понимаю, вздохнула она. То убежишь неизвестно куда, то вернёшься с таким видом, будто целую экспедицию совершил. Практически так и было, не удержался я от улыбки. Иди переодевайся. Скоро Новый год. Отец уже спрашивал, где ты пропадаешь. Сейчас буду. Я прошёл в комнату и закрыл дверь. Снял верхнюю одежду, сел на кровать и долго смотрел на свои руки. Дома было тепло. За стеной мама гремела посудой, на кухне пахло праздничной едой. Где-то работал телевизор, диктор рассказывал о подготовке к новогодним торжествам. Обычная жизнь. И именно этого мне сейчас хотелось больше всего. Но стоило вспомнить Москву, коробки и оставленные вещи, как улыбка исчезла. Я достал тетрадь и записал: «31 декабря 1981 года. Первый серьёзный шаг сделан. И самое главное обеспечить Диме будущее». Из кухни донёсся мамин голос: Димочка! Иди помогать! Оливье сам себя не нарежет! Я усмехнулся. Иду, мам! Пожалуй, впервые за долгое время я собирался встретить Новый год не в одиночестве. Я вышел на кухню. Мама уже накрывала праздничный стол, а отец сидел перед телевизором и чистил мандарины. О, беглец вернулся! усмехнулся он. Ну что, сын, Москву покорил? Пока нет. Но планы имеются. Это хорошо. Только в следующий раз предупреждай родителей, куда собрался. Мать чуть с ума не сошла. Понял, пап. Больше не буду. Мама поставила передо мной большую миску. Вот, режь картошку. И только попробуй опять куда-нибудь исчезнуть! Есть, товарищ командир! Отец рассмеялся. Смотри, мать у нас строгая. С ней шутки плохи. Я принялся за работу. И знаете, было в этом что-то удивительно приятное. Простая семейная кухня, запах еды, разговоры о каких-то пустяках. Я даже поймал себя на мысли, что начинаю привязываться к этим людям. Хотя они мне пока и не родные. Точнее, родные для настоящего Димы. А вот я кто для них? Этот вопрос я решил пока отложить. Новый год встретили спокойно. По телевизору выступил генеральный секретарь, потом зазвучали поздравления, звенели бокалы, а отец произнёс короткий тост за семью и за то, чтобы следующий год оказался лучше предыдущего. Я поднял стакан с лимонадом. За новые возможности! Это правильный тост, одобрил отец. После полуночи мама отправилась спать, отец ещё немного посидел перед телевизором, а я наконец оказался в своей комнате. Достал тетрадь. Теперь предстояло заняться самым важным. Двадцать девятое и тридцатое декабря в Москве. Я помнил, зачем туда ездил, но теперь нужно было оценить последствия. И главное понять, насколько сильно я изменил ход событий. Я открыл чистую страницу и написал: «План на январь 1982 года». Первым делом нужно было вернуться в Москву. Но не сразу. Сначала следовало понять, что именно я привёз из будущего… точнее, что оставил там. Я прекрасно понимал, что двадцать рублей, которые я нашёл дома, это не капитал. Это деньги родителей, и возвращать их придётся обязательно. Второе образование. Настоящий Дима собирался поступать в институт, и бросать эту возможность я не собирался. Но со справкой из психушки и раздвоением личности это было затруднительно . И я поставил знак вопроса. Третье деньги. Причём легальные. На грабленое придеться легализовать. И снова знак вопроса. Я откинулся на спинку стула. Вот здесь начиналось самое интересное. Я знал, что в ближайшие годы СССР ждут большие перемены. Но знание будущего само по себе не делает человека богатым. Нужно было иметь стартовый капитал, связи и, самое главное, не оказаться в местах, где вместо денег можно получить срок. Спокойно, пробормотал я. Не будем строить кооперативную империю за одну ночь. В этот момент за стеной послышались шаги. Дима, ты ещё не спишь? спросила мама. Нет, мам. Записываю кое-что. Опять свои планы? Ага. Только до утра не сиди. Завтра поедем к тёте, помнишь? Я замер. К тёте? Вот этого мне ещё не хватало. Я ведь даже не знал всей семейной родословной настоящего Димы. Конечно, мам! ответил я наугад. Ну и хорошо. Спокойной ночи. Спокойной ночи.

Глава 24

Я снова посмотрел на тетрадь. Пожалуй, первым пунктом плана следовало написать не «заработать миллион», а «выучить собственную семью». Иначе однажды меня спросят, как зовут двоюродную бабушку, а я отправлюсь знакомиться с ней впервые в жизни. Я невольно улыбнулся. Но улыбка быстро исчезла. В Москве меня ждали оставленные вещи. А вместе с ними последствия моего первого вмешательства в историю. И я совершенно не был уверен, что смогу просто забрать своё и спокойно начать новую жизнь. Я сидел за столом и перебирал в памяти события этого года. Чем больше думал, тем отчётливее понимал: я использовал единственный шанс, который мне предоставила судьба. Ограбление. Вот так, одним словом, можно было описать моё московское приключение. Я знал дату, место и примерное время. Знал, что должно произойти. Но ведь мог и не вспомнить! Мог проснуться на день позже, мог вообще не обратить внимания на ёлку. А тут всё совпало. Везение? Судьба? Или какой-то странный знак? Я покрутил ручку в пальцах. Чёрт его знает…Но был один вопрос гораздо важнее. Настоящий Дима. Ему нельзя было рассказывать об ограблении. Во всяком случае, пока. Представляю его реакцию: сначала удивление, потом страх, потом совершенно закономерный вопрос откуда я всё это знаю? А дальше больница, психиатры и, возможно, очередные неприятности. Нет уж. Парня нужно беречь. Я ведь уже понял, что мы с ним не одно и то же. У него своя жизнь, родители, планы на институт. И если он однажды окончательно вернётся, ему не нужно знать, что его тело участвовало в событиях, о которых лучше вообще не вспоминать. Что делать с деньгами? Я пока не знал точной суммы и даже не понимал, насколько правильно помнил детали той истории. Но одно знал совершенно точно: просто потратить всё на собственные удовольствия было бы глупостью. Мне предстояло создать капитал. Причём такой, который не привлечёт внимания ни милиции, ни окружающих. Я посмотрел на календарь. Первое января 1982 года. Впереди целый год. А за ним ещё десятилетие перемен. Ну что, Дима, тихо произнёс я, похоже, нам с тобой предстоит интересная жизнь. Я закрыл тетрадь и лёг спать. Но перед тем как уснуть, поймал себя на одной неприятной мысли. А что, если это действительно был не случайный шанс? Что, если меня отправили именно сюда и именно в это время не просто так? И тогда возникал ещё более страшный вопрос: сколько таких возможностей мне ещё приготовила судьба? Утром первого января я проснулся довольно поздно. Голова была тяжёлой, но не от алкоголя я практически не пил накануне. Просто накопилась усталость последних дней. Из кухни доносились голоса родителей. Дима, вставай! Завтракать будешь? крикнула мама. Сейчас! Я умылся, привёл себя в порядок и вышел. На столе стояли вчерашние салаты, нарезанная колбаса, хлеб и чайник. Ну что, путешественник, отец посмотрел на меня поверх чашки, рассказывай, как Москва? Я на секунду задумался. Большая. Шумная. Народу много. Красиво, особенно центр. А в институт-то ты заходил? Нет, пап. До него ещё доберусь. Мама покачала головой. Вот ведь непоседа. Сначала уедет, потом вернётся, а объяснить ничего толком не может. Мам, я просто хочу немного самостоятельности. Отец внимательно посмотрел на меня. Самостоятельность это хорошо. Только она начинается не с того, что ты исчезаешь из дома, а с того, что отвечаешь за свои поступки. Я кивнул. И, надо сказать, его слова задели меня сильнее, чем я ожидал. Ведь он был прав. Но была и ещё одна проблема. Я совершенно не знал, сколько продлится наше соседство с настоящим Димой. Сегодня я здесь, завтра он. А послезавтра? Я открыл чистую страницу. «Для Димы». Немного подумав, написал: «Если однажды ты прочитаешь эту тетрадь, знай: я не хотел испортить твою жизнь. Я старался сделать так, чтобы у тебя было больше возможностей, чем раньше». Перечитал и отложил ручку. Нет. Пока рано оставлять такие послания. Они могут только напугать парня. Днем я решил прогуляться. Зимний воздух освежал голову. На улицах ещё чувствовалось новогоднее настроение, хотя многие уже возвращались к обычным делам. Я зашёл в небольшой магазин, посмотрел на витрины и невольно улыбнулся. Вот она, экономика восьмидесятых. Очереди, дефицит, знакомые советские товары. И вдруг я понял, что всё это время смотрел на происходящее непра-

вильно. Я искал способ быстро разбогатеть, используя знания будущего. А ведь у меня было гораздо больше возможностей. Я знал, какие технологии появятся, какие отрасли вырастут, какие товары станут востребованными. Знал, что через несколько лет привычный мир начнёт меняться. Но самое главное у меня было время подготовиться. Я вспомнил московскую историю и невольно поморщился. Но ничего. Теперь нужно было думать о будущем. И всё же Москва не давала мне покоя. Там оставались мои вещи, а вместе с ними последствия поступка, который я уже не мог отменить. Я посмотрел на календарь. До окончания новогодних праздников ещё было время. Значит, у меня оставалось несколько дней, чтобы подготовиться к возвращению. И на этот раз я собирался действовать гораздо осторожнее. После обеда я уснул.

Глава 25

Димочка, вставай! Мы сегодня к тёте собираемся. Я приоткрыл один глаз. К какой ещё тёте? Мама остановилась в дверях и посмотрела на меня с удивлением. Как к какой? К тёте Вале. Ты что, забыл? Мы же вчера договаривались. А, точно! поспешно ответил я. Вот ведь неприятность. Родословную настоящего Димы я знал примерно так же хорошо, как устройство космического корабля. Давай поднимайся. Неудобно опаздывать. Нас там уже ждут. Через час мы всей семьёй вышли из дома. Отец нёс пакет с подарками, мама прихватила коробку конфет и бутылку шампанского, а мне досталась сумка с мандаринами. Слушай, мам, а много народу будет? Да немного. Тётя Валя с дядей Колей, Лена с мужем и, возможно, соседка зайдёт. Я мысленно вздохнул. Прекрасно. Целый вечер знакомиться с родственниками, которых я в глаза не видел. Доехали мы на автобусе. Зимой общественный транспорт был переполнен, люди ехали с авоськами, сумками и праздничными покупками. На остановке пришлось немного пройти по заснеженному двору. Тётя Валя жила в обычной московской пятиэтажке. Ничего особенного: подъезд с запахом краски и кошек, почтовые ящики, облупившиеся стены и детские санки возле лестницы. Дверь нам открыла невысокая полная женщина лет пятидесяти с добрым лицом. Ой, приехали! Проходите, дорогие! Валечка, с Новым годом! мама обняла её. И вас! Ой, Димка! Какой большой стал! Я улыбнулся. Здравствуйте, тётя Валя. С Новым годом! Она обняла меня и поцеловала в щёку. Ну проходи, студент! Что-то давно тебя не видели. Вот тут я почувствовал себя немного неловко. Учёба, дела… Да какие у тебя дела? рассмеялась тётя. Молодой ещё, успеешь наработаться. Из комнаты вышел мужчина в домашней рубашке. О, Соколовы пожаловали! Здорово, народ! Это был дядя Коля. Он пожал отцу руку, потом посмотрел на меня. Ну что, Димон, как подготовительные курсы? Собираешься в институт? Собираюсь. Правильно. Образование сейчас никому не мешает. Мы прошли в комнату. На столе уже стояли салаты, холодец, селёдка под шубой, солёные огурцы, нарезка и домашние пирожки. Всё было по-настоящему, по-семейному. Меня усадили рядом с двоюродной сестрой Леной. Ей было лет двадцать два, она работала где-то в бухгалтерии и была замужем за молодым человеком по имени Сергей. Дим, а ты всё ещё в институт собираешься? спросила она. Да. Пока готовлюсь. А на кого хочешь? Я назвал направление, которое, как мне казалось, подходило Диме. Сергей одобрительно кивнул: Техническое образование хорошая вещь. Сейчас без инженеров никуда. Вот тут я оживился. А вы сами где работаете? На заводе. В отделе снабжения. Я заинтересовался. И как там? С дефицитом постоянно сталкиваетесь? Сергей усмехнулся. А где его нет? То подшипников нет, то кабеля, то нужных деталей. Иногда из-за одной мелочи целая работа стоит. Я сделал мысленную пометку. Вот она, настоящая экономика, а не мои воспоминания о ней. За столом разговор постепенно перешёл к обычным семейным темам. Обсуждали работу, цены, очереди, знакомых и планы на лето. А потом тётя Валя вдруг спросила: Димочка, а ты чего такой серьёзный стал? Раньше всё шутил, смеялся. А сейчас будто взрослый мужчина. Мама посмотрела на меня. Я тоже заметила. То уедет куда-то, то сидит целыми днями, что-то записывает. Просто задумался о будущем, ответил я. Это хорошо, сказала тётя Валя. Только молодость не забывай. Девушку себе найди, гуляй, в кино ходи. А то всё учёба да учёба. Все засмеялись. Я тоже улыбнулся. Но про себя подумал, что

с девушками пока действительно придётся повременить. У меня имелись дела куда серьёзнее. Особенно одно московское. Домой мы возвращались уже ночью. Мама была довольна, отец обсуждал с ней очередную семейную новость, а я шёл рядом и слушал. Хорошо посидели, правда? спросила мама. Очень хорошо. Она взяла меня под руку. Димочка, ты только больше так не пропадай. Мы ведь волнуемся. Я посмотрел на неё и неожиданно для самого себя ответил: Не буду, мам. Обещаю. И в этот момент я понял, что начинаю воспринимать эту семью не просто как семью настоящего Димы. Они постепенно становились и моей семьёй тоже.

Глава 26

Но долго сидеть дома я не собирался. Уже утром 2 января я собрался в Москву. Планировал съездить всего на пару дней, разобраться со своими делами и вернуться обратно. Когда я вышел на кухню с сумкой, мама удивлённо посмотрела на меня. Димочка, ты куда собрался? В Москву, мам. На пару дней. Опять в Москву? она даже руками всплеснула. Ты же только вчера вернулся! Отец отложил газету и усмехнулся: Пусть едет. Видимо, у нашего студента там дела государственной важности. Пап, не преувеличивай. Просто кое-что нужно уладить. Мама покачала головой. Ну смотри у меня. Позвони, как доберёшься. И не пропадай. Обязательно. Она собрала мне бутерброды, положила пару яблок и ещё раз напомнила, чтобы я тепло одевался. Я обнял её, попрощался с отцом и отправился на вокзал. В Москву я добрался уже вечером второго января. Зима, темнота, вокзальная суета. Люди возвращались после праздников, кто-то встречал родственников, кто-то сновал между кассами и платформами. Я забрал свои вещи с камеры хранения и поискав нашел там деньги . Но взял только одну пачку отнеся чемодан в камеру хранения направился в город. На этот раз никакой спешки. У меня было всего несколько дней, и я собирался провести их с пользой. Я посмотрел на часы. Ну что, Дима, работаем, тихо сказал я и направился к выходу с вокзала. Пока поезд стучал колёсами на стыках рельсов, я сидел у окна и размышлял о своём будущем. С работой всё складывалось не слишком радужно. У меня ведь имелась одна неприятная особенность справка из психиатрической больницы. Пусть я и чувствовал себя совершенно нормальным человеком, для советской кадровой системы такая бумажка могла стать серьёзной проблемой. Куда меня возьмут? На завод? Вряд ли. В серьёзную организацию? Ещё меньше шансов. С образованием тоже пока ничего определённого. Дворник, грузчик вот, пожалуй, и весь список доступных перспектив. Замечательно, просто замечательно, пробормотал я. Я посмотрел на соседей по вагону. Мужчина напротив читал толстый роман, женщина у окна перелистывала журнал, а парень на верхней полке вообще не отрывался от какой-то книги. И тут меня словно осенило. Книги! Вот он, настоящий Клондайк! Я ведь жил в другом времени, знал массу историй, сюжетов, жанров, которые здесь ещё только предстояло открыть читателям. Детективы, фантастика, приключения, альтернативная история! Причём мне совершенно необязательно было устраиваться на работу по найму. Можно писать самому. Я начал мысленно перебирать возможности. В СССР существовали издательства, журналы, литературные редакции. Печатали фантастику, приключения, детективы. Читательская аудитория была огромной, а хороших новых произведений постоянно не хватало. Конечно, я не собирался просто переписывать чужие книги. Но сюжеты, которые я помнил, идеи, литературные приёмы, знакомые мне по будущему, могли стать отличной основой для собственного творчества. Оставалась техническая проблема. Писать от руки целый роман? Нет уж. Я не собирался превращать свою жизнь в бесконечное переписывание черновиков. Мне нужна была пишущая машинка. Именно поэтому, едва прибыв в Москву, я решил отправиться в комиссионный магазин. Комиссионка встретила меня знакомым запахом старых вещей, пыли и мебельного лака. За стеклянными витринами лежали часы, фотоаппараты, радиоприёмники, фарфоровые статуэтки. Я прошёл вдоль прилавков, внимательно рассматривая ассортимент. Молодой человек, вам что-нибудь подсказать? спросила продавщица. Да. Пишущая машинка нужна. Желательно портативная, в хорошем состоянии. Женщина посмотрела на меня с интересом. Для учёбы? Для работы. Хочу

заниматься литературой. Писатель, значит? улыбнулась она. Пока начинающий. Она достала из-под прилавка небольшую машинку. Вот, посмотрите. Машинка хорошая, немецкая. Была в употреблении, но состояние приличное. Я подошёл ближе. На столе стояла аккуратная портативная пишущая машинка. Металлический корпус, клавиши, каретка. Красота! А сколько? Продавщица назвала цену. Я мысленно присвистнул. Для моего нынешнего бюджета это была весьма ощутимая сумма. Я задумался. Покупка машинки была первым настоящим вложением в моё новое дело. И экономить на инструменте, которым собирался зарабатывать, было бы глупо. Я сел за стол, вставил лист бумаги и осторожно нажал несколько клавиш.

Глава 27

Тук-тук-тук… Звуки показались мне музыкой. Я улыбнулся. Кажется, у меня появился план. Теперь оставалось самое сложное написать первую книгу, которую действительно захотят читать. Покупку я всё-таки совершил. Немецкая пишущая машинка отправилась в чемодан. К ней я добавил несколько пачек писчей бумаги, две пачки копировальной бумаги и запас лент. Если уж заниматься литературой, то по-взрослому. Но на этом покупки не закончились. Тут же приобрёл джинсы, пару хороших рубашек и добротные ботинки. Одежда была нужна не только для красоты. Я собирался выглядеть прилично, а не напоминать вечного студента, который живёт от стипендии до стипендии. Когда всё было упаковано, чемодан заметно потяжелел. Я посмотрел на свои приобретения и довольно улыбнулся. Ну что, писатель, теперь осталось самое простое. Написать бестселлер! Сам над собой посмеялся. На вокзале я взял билет на ближайший подходящий поезд. До отправления оставалось время, поэтому купил чай и булочку. Сидя в зале ожидания, наблюдал за людьми и мысленно составлял список будущих произведений. Первым делом нужен детектив. Что-нибудь динамичное, с хорошей интригой и неожиданной развязкой. Затем фантастика. А может, начать с приключенческого романа? Вариантов было множество. Утром я уже был дома. Мама открыла дверь и удивлённо посмотрела на мой чемодан. Димочка! Ты опять приехал? А ты думала, я в Москве поселился? Да уж, от тебя всего можно ожидать. Она помогла мне занести чемодан. Ну и что на этот раз привёз? Покупки. Опять? Ты же совсем недавно уезжал! Мам, я же говорил, что на пару дней. Я поставил чемодан в комнате и начал выкладывать вещи. Сначала одежду, затем бумагу, а потом аккуратно достал пишущую машинку. Мама остановилась в дверях. Это что такое? Пишущая машинка. Я вижу, что не холодильник. Зачем она тебе? Писать собираюсь. Что писать? Книги. Мама несколько секунд молчала, потом улыбнулась. Господи, Димочка, чего только тебе в голову не приходит. Вчера в институт собирался, сегодня уже писатель. Мам, а почему бы и нет? Ну, пиши, если душа лежит. Только учёбу не забрасывай. Не заброшу. Когда родители ушли на кухню, я установил машинку на стол, положил рядом бумагу и сел. Передо мной был чистый лист. Я долго смотрел на него. Вот тут-то и начиналась настоящая работа. Знать будущие сюжеты и уметь превратить их в хорошую литературу совершенно разные вещи. Я заправил лист в каретку. Пальцы легли на клавиши. Ну что, начнём новую жизнь? И напечатал первые слова: «Глава первая». Кажется, у меня наконец появилось занятие, которое могло одновременно обеспечить мне заработок и дать настоящему Диме профессию, не требующую никаких справок о состоянии здоровья. Но довольно быстро выяснилось, что купить пишущую машинку это ещё не значит научиться на ней печатать. Я уселся за стол, положил перед собой чистый лист и торжественно посмотрел на клавиатуру. Клавиши были непривычными, тугими, расположенными совсем не так, как на компьютере, к которому я привык. Никаких тебе подсказок на экране, исправления ошибок одним нажатием или возможности выделить кусок текста и переписать его. Здесь всё было по-настоящему. Нажал не ту клавишу получи ошибку на бумаге. Захотел исправить доставай корректирующую жидкость или начинай лист заново. А ещё нужно было следить за кареткой, вовремя переводить её, не забывать про поля и не нажимать на клавиши с такой силой, будто пытаешься забить гвоздь. Первый лист я испортил минут за десять. На втором получилось чуть лучше. Правда, вместо аккуратного текста на

бумаге красовались неровные строчки, пропущенные буквы и несколько опечаток. Ну и ну… пробормотал я. Писатель, называется. Но отступать не собирался. В конце концов, я ведь не собирался становиться машинисткой высшего разряда. Мне нужно было научиться печатать достаточно быстро, чтобы переносить на бумагу собственные мысли.

Глава 28

Пришлось тренироваться. Сначала печатал отдельные буквы, потом короткие слова, затем целые предложения. Постепенно пальцы начали запоминать расположение клавиш, хотя до нормальной скорости было ещё далеко. Мама несколько раз заглядывала в комнату и с любопытством наблюдала за моими мучениями. Димочка, ты бы хоть пальцы поберёг. Так стучишь, будто машинку ругаешь. Мы с ней пока не очень ладим, отвечал я. Ничего, привыкнете друг к другу. Она улыбалась и уходила, а я продолжал упражняться. Но была у меня ещё одна проблема. Каждую ночь, перед тем как уснуть, я старался поговорить с настоящим Димой. Не знаю, насколько хорошо он меня слышал и понимал, но я не собирался оставлять его без объяснений. Слушай, Дим, давай рассуждать здраво. У нас есть два пути. Первый искать работу. Только какую? С твоими документами и справкой о пребывании в психиатрической больнице далеко не везде возьмут. В лучшем случае отправят коровам хвосты крутить или дворником работать. Я мысленно усмехался. А второй путь писать книги. Здесь хотя бы никто не спрашивает, почему ты не прошёл медицинскую комиссию на завод. Есть голова, есть руки, есть машинка. Ну, пока руки не очень умеют с этой машинкой обращаться, но это поправимо. Я устраивался поудобнее, натягивал одеяло и продолжал: И не надо думать, что это какая-то блажь. Писательство такая же работа. Будем учиться, писать рассказы, отправлять их в журналы. Не возьмут один отправим другой. Главное, не сдаваться. А учёбу тоже не бросим. Образование никому ещё не мешало. И все свои мысли я записывал в тетрадку. Иногда мне казалось, что я пишу сам себе. Но всё равно продолжал. Мне хотелось, чтобы Дима привык к этой мысли и перестал воспринимать происходящее как чужую прихоть. В общем, выбор у нас небольшой: либо коровам хвосты крутить, либо писать. Я, честно говоря, за второй вариант. На этом обычно заканчивались мои вечерние записки. Потому что я не знал проснусь ли я или он. Я закрывал глаза, ещё раз прокручивал в голове завтрашние планы и постепенно проваливался в сон. А утром меня снова ждала пишущая машинка, стопка чистой бумаги и нелёгкая наука превращать мысли в аккуратные строки. В тот вечер я тоже закончил запись, повернулся на бок и уснул. Но писать собственный сюжет оказалось гораздо труднее, чем я предполагал. В голове крутились десятки историй, но стоило сесть за машинку и положить перед собой чистый лист, как все мысли куда-то разбегались. Начало казалось банальным, герои получались картонными, а диалоги звучали так, словно их сочинил школьник на уроке литературы. После нескольких испорченных страниц я решил не мучить себя и взяться за то, что хорошо помнил. В памяти всплыл фильм «Искушение Б.». Кто его написал, я уже не помнил, да и подробности постепенно стирались. Но сама идея засела в голове крепко. Писатель Снегирёв каким-то образом узнаёт тайну секты бессмертных. Оказывается, существует эликсир вечной жизни, но посвящённых может быть только пятеро. Пять человек и ни одним больше. Если появляется шестой, он становится угрозой для остальных. Его необходимо устранить. А Снегирёв оказывается перед выбором: умереть или самому стать бессмертным. Я долго смотрел на напечатанные строки. Вот это уже было интересно! Тут имелось всё, что нужно для хорошей истории: тайна, заговор, страх смерти, человеческая жадность и нравственный выбор. Причём самое интересное заключалось даже не в эликсире. А в том, что человек, получивший возможность жить вечно, должен решить, готов ли он ради этого переступить через чужую жизнь. Я достал тетрадь и начал записывать то, что помнил. Отдельно выписал сюжет, отдельно персонажей, а затем попытался восстановить последовательность событий. Но память подводила. Некоторые эпизоды вспоминались отчётливо, другие исчезли совсем. Ладно, пробормотал я. Значит, будем восстанавливать. Я понимал, что просто переписать фильм на бумаге не самая

удачная идея. Да и кто знает, насколько хорошо его помнят другие? Лучше использовать то, что осталось в памяти, как основу, а дальше развивать историю самостоятельно. Изменить героев, добавить собственные сцены, придумать другие повороты. В конце концов, я ведь собирался стать писателем. На следующий день я снова сел за машинку. Теперь передо мной лежал не пустой лист, а целая тетрадь с заметками. Я вставил бумагу, выровнял её и положил пальцы на клавиши. «Глава первая». И впервые за несколько дней у меня появилось ощущение, что дело сдвинулось с мёртвой точки. Правда, до настоящей книги было ещё очень далеко. Но хотя бы теперь я знал, о чём собираюсь писать.

Глава 29

Я проснулся и сразу почувствовал запах хвои. Ёлка! Скоро Новый год, подумал я и несколько секунд лежал, глядя в потолок. Потом вспомнил. Я ведь не совсем тот, кем меня считают. Вернее, я это я, но почему-то в моей голове живёт ещё кто-то. Человек, который уже успел прожить за меня целую жизнь, побывать в других странах, повидать всякое и теперь распоряжается моим телом так, словно оно принадлежит ему. Я протянул руку под подушку, достал тетрадь и раскрыл её на первой странице. Там были записи о моей жизни. О том, что происходило со мной, пока я отсутствовал. Хотя слово «отсутствовал» звучало как-то неправильно. Ведь я никуда не уходил. Просто кто-то другой занимал моё место. Я читал страницу за страницей и чувствовал, как внутри поднимается неприятная тяжесть. Он учился, ездил в Москву, покупал какие-то вещи, собирался писать книги. А я? Я ведь хотел стать электриком. Мне нравилась техника, провода, приборы. Я представлял, как закончу учёбу, устроюсь на работу, буду разбираться в электричестве и постепенно стану хорошим специалистом. А теперь мне предлагают стать писателем! Я даже по литературе в школе еле вытянул тройку. Какой из меня писатель? Я закрыл тетрадь и сел на кровати. Самое страшное было даже не то, что кто-то проживал мою жизнь вместо меня. Самое страшное я не знал, как это остановить. Кому я мог рассказать? Маме? Отцу? Они ведь меня забрали из психиатрической больницы. У меня была справка, и если я снова начну рассказывать, что внутри меня живёт чужой человек, меня просто сочтут сумасшедшим. И ведь доказать ничего не получится. Я тяжело вздохнул. Приходилось мириться. По крайней мере, тот человек не пытался причинить мне вреда. Он заботился о моих родителях, думал о будущем, старался найти нам работу. Просто почему-то решил, что лучше меня знает, как мне жить. Я встал и подошёл к письменному столу. На нём стояла пишущая машинка. Чужая покупка, чужая затея, чужая мечта. Я осторожно нажал на клавишу. Щёлк! На бумаге отпечаталась буква. Забавно. Машинка мне даже понравилась. Механизм работал чётко, с приятным щелчком. Я всегда любил технику, и тут ничего удивительного не было. Дима, ты проснулся? донёсся из кухни мамин голос. Да, мам! Иди завтракать, пока всё горячее! Я посмотрел на машинку, потом на тетрадь. Вот и мама. Она даже не подозревает, что кто-то крадёт у её сына часть жизни. Что я иногда просыпаюсь и обнаруживаю, что за меня уже приняли решения, куда-то съездили, что-то купили и придумали мне новую профессию. Мне стало горько. Но, с другой стороны, это было лучше, чем считать себя сумасшедшим. Я ведь помнил всё, что происходило. Значит, я ещё существовал. И, может быть, однажды смогу вернуть себе свою жизнь. Я ещё раз взглянул на машинку и тихо сказал: Только писателем я становиться не собираюсь. Я электриком хотел быть. После этого убрал тетрадь под подушку и пошёл на кухню. Я с грустью посмотрел на высохшую ёлку, стоявшую в углу комнаты. Игрушки уже сняли, мишура лежала в коробке, а хвоя начала осыпаться на пол. «У меня украли Новый год», подумал я. Получалось, что пока кто-то другой жил моей жизнью, я пропустил праздник, которого ждал целый год. Не сидел с родителями за столом, не слушал поздравления, не загадывал желание под бой курантов. И даже не помнил, как всё прошло. Ничего. Старый Новый год я обязательно отмечу! Это уже моё, и никто у меня его не отнимет. Я сел за стол и принялся за мамины блины. Господи, какие же они вкусные! Неделю, наверное, не ел. Хотя постойте… Кто-то ведь ел их вместо меня? Кто-то сидел здесь, завтра-

кал, разговаривал с мамой, а я даже не знал об этом. От этой мысли аппетит пропал. Что с тобой, Дима? мама внимательно посмотрела на меня. Ты какой-то грустный. Переживаешь из-за курсов машинописи? Тебе же сегодня вечером на занятия. Я поднял на неё глаза. Вот как ей объяснить? Что мне не нужны эти курсы? Что я не собираюсь становиться писателем? Что все эти покупки и планы придумал другой человек, который почему-то решил, что имеет право выбирать за меня? Мама ведь ни в чём не виновата. Она искренне радуется, что сын нашёл себе занятие, строит планы, думает о будущем. Нет, мам, всё нормально, ответил я, стараясь улыбнуться. Тогда доедай. А то опять остынет. Я послушно доел блины, но решение уже созрело. Хватит! Если я буду просто сидеть и ждать, пока тот человек снова возьмёт управление в свои руки, ничего не изменится. Мне нужна собственная жизнь. Своя работа, свои деньги, свои решения. И пусть у меня есть справка из психиатрической больницы. Я всё равно попробую устроиться. Я поднялся из-за стола, оделся потеплее и вышел в прихожую. Ты куда собрался? спросила мама. Пройдусь. Дела есть. Только не пропадай надолго. И на курсы не опаздывай! Я ничего не ответил, только кивнул и закрыл за собой дверь. На улице было холодно. Под ногами поскрипывал снег, прохожие торопились по своим делам, а из окон домов тянуло запахами готовящейся еды. Обычный зимний день, обычная жизнь. А я шёл по улице и чувствовал, как внутри закипает упрямство. Работа мне нужна. Самая обычная, настоящая работа, которую я выберу сам. Не книги, не машинопись и не чужие фантазии о моём будущем. Я хотел стать электриком. И начинать собирался именно с этого. Я обходил конторы одну за другой. Сначала зашёл в небольшую мастерскую, потом в жилищную контору, заглянул в отдел кадров одного предприятия. Везде примерно одно и то же. Работать хочешь? Это хорошо, парень. А документы есть? Я протягивал паспорт, рассказывал, что умею, что готов учиться, что руками работать не боюсь. Нам бы медицинскую справку. И вот тут начинались проблемы. Я уже знал, что там написано. Но каждый раз надеялся, что вдруг прокатит, что никто не обратит внимания. Однако справку внимательно изучали, переворачивали, перечитывали и возвращали мне. В ней отдельной строкой красовалась надпись о психиатрическом диспансере. После этого лица кадровиков менялись. Ещё минуту назад они разговаривали со мной как с обычным парнем, а теперь смотрели с осторожностью, будто перед ними стоял человек, от которого неизвестно чего ожидать. Понимаешь, Дима, у нас ответственность. Ты не обижайся, но без допуска мы тебя оформить не можем. А если я просто учеником электрика? Всё равно медицинская комиссия. К обеду я уже перестал считать, сколько дверей открыл и сколько раз услышал одно и то же. Я шёл по улице, сжимая в кармане справку, и чувствовал, как злость постепенно превращается в отчаяние. «Он специально это сделал! думал я. Всё предусмотрел. Сделал так, чтобы я не мог устроиться на нормальную работу. Чтобы у меня не осталось выбора, кроме его писательства. Он хочет меня поработить!» Я остановился возле витрины и посмотрел на своё отражение. Молодой парень, обычная зимняя одежда, немного усталое лицо. Никто бы не догадался, что внутри этого человека идёт борьба, о которой нельзя рассказать даже самым близким. Но как его убрать из моей головы? Я не знал. Не знал даже, можно ли вообще отделить его от себя. А если попытаться рассказать врачу, меня снова положат в больницу. И тогда я окончательно потеряю возможность распоряжаться собственной жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.